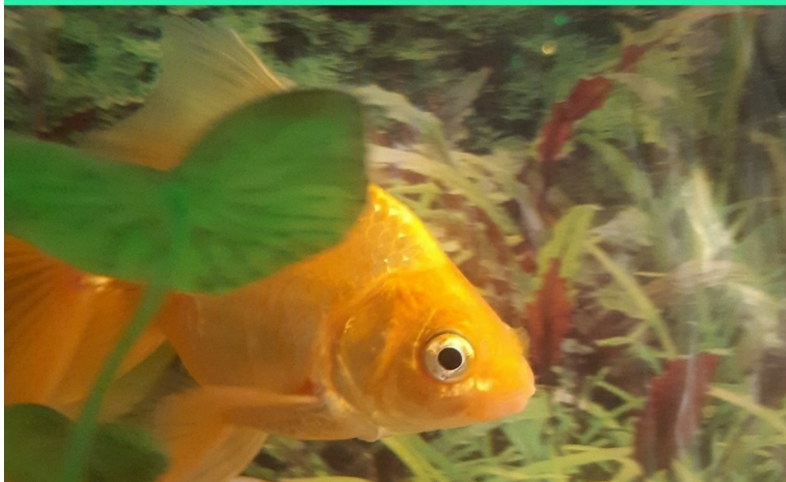

Галина Жадан

Современный любовный роман

***Семь рыбок
золотых и
одна черная***

18+

Галина Антоновна Жадан Семь рыбок золотых и одна черная

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53823607
SelfPub; 2020*

Аннотация

Любовь не исчезает. Она может лишь затаиться в ожидании своего часа. Но как же труден и долг путь до этого часа!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

84

Часть I

Анечка.

Сентябрь был сухим и теплым. Осень подходила незаметно, стыдливо, как девица, которая только что поняла, что она красива и на нее все смотрят, но не привыкла к этому. То тут, то там на деревьях проглядывали цветными вкраплениями желтые, красные, коричневые листья, как будто осень разбрасывала бусы-самоцветы. И люди, спеша на работу или домой, обычно не замечая городскую природу, в последние дни заглядывались на неё, улыбались, всматривались в деревья, и даже в отдельные листочки – так они были красивы.

Обычный рабочий день начинался легко и красиво. Утренняя прохлада свежим ветром оведала лицо, принося свежие мечты и желания. Анечка Веритина шла на первую в своей жизни работу. Она окончила институт, получила профессию переводчика, и вот теперь, окрыленная надеждами на успешную карьеру и радужное будущее, летела на крыльях счастья от предвкушения устроенности своей прекрасной жизни. На девушке была ослепительно белая блузка и черная узкая юбка, что делало её похожей на школьницу, если бы не туфли на высоком каблуке, нет, на очень высоком каблуке, и стильная маленькая сумочка. Длинные волосы были распущены – она привыкла так ходить, но в сумочке лежала заколка, которой она собиралась заколоть волосы по приходу на службу. Выглядела она очень юной, лет на

семнадцать, и этому способствовало детское выражение лица и широко распахнутые, с детским удивлением и восторгом, глаза.

От метро до фирмы, которую Анечка называла теперь «моя фирма», путь пролегал через сквер. Деревья небольшого городского оазиса представились ей волшебным лесом. Вот уже с дубов падают желуди, желтые и еще не созревшие зеленые, пока их немного, но скоро будет тьма. Она вспомнила, как в детстве собирала желуди, а потом вместе с родителями в зоопарке кормила ими диких свиней – бородавочников, для них это было большое лакомство. Теплое осеннее утро так заморозило девушку, что она решила пойти медленно и насладиться последними минутами покоя перед бурной трудовой деятельностью, как она сама себе говорила, и впитать зеленый цвет листвы, который, она знала, успокаивает, и который скоро исчезнет до весны. А спокойствия ей просто не хватало – буквально всё волновало её сегодня: и новая работа, как там её встретят, и это необычное утро, которое предвещало то ли радость, то ли страх. Почему предвещало, она сама точно не знала, но уверила себя, что сегодня решится в её жизни что-то главное. Перед ней предстанет красавец, рыцарь на белом коне, который посадит её рядом с собой и они будут вот так ехать и ехать по сказочному лесу. Она оглянулась. Прохожих было немного, очень редко можно было увидеть сидящих на скамейках. Девушка ухмыльнулась: всадника точно не было.

– И это в то время, когда космические корабли бороздят просторы вселенной... Действительно, глупые видения, – шепотом укорила она себя.

А который час? Анечка вздрогнула.

– Если я не потороплюсь, я опоздаю в первый день на мою первую работу.

Идти в туфлях на таких каблуках было довольно сложно, ещё и узкая юбка не давала сделать широкий шаг, но Анечка перешла на что-то подобное спортивной ходьбе – не опоздать бы.

Ускоряя шаг и оглядываясь по сторонам, Анечка все-таки споткнулась и с размаху спикировала лицом в асфальт. Шедший за ней мужчина подбежал к ней, помог встать и усадил на скамейку. Подошла молодая женщина, сидевшая на скамейке с малышом с другой стороны аллеи.

– Вы разбили лицо и очки, – покачал головой молодой человек.

Аня только что не всхлипывала, осматривая разбитые колени.

– У меня есть аптечка, я сейчас принесу, – засуетилась молодая мама, – я всегда беру её с собой, мой малыш частенько падает.

Она вернулась с пакетом, из которого стала доставать бутылочки, ватные тампоны, пластырь.

– Вот и скорая помощь. Ну, я вижу вы в надежных руках сестры милосердия. А я спешу, простите.

Молодой человек ушел, а женщина, смочив тампон, поднесла руку к щеке пострадавшей.

– Что это? – Отпрянула Анечка.

– Ничего страшного, это перекись водорода, – успокоила ее женщина.

– Только не зеленкой! И коленки еще, – дрожащим голосом проговорила Анна, приподнимая подол юбки.

– Зеленку оставлю сыну, – улыбаясь, ответила мама, взглянув на малыша.

И пока она, оставив ребенка, мазала ей коленки, малыш внимательно смотрел на процедуру, открыв рот.

Анна улыбнулась.

– Вот видишь, как падать! Держись крепко на ногах. А то мама будет и тебя вот также мазать зеленкой.

– Это ему знакомо, – засмеялась мать.

– Сколько ему?

– Три.

– Привет, малыш! О, я, кажется, опаздываю. Большое спасибо.

Анна встала, одернула юбку. Хорошо, что при приеме на работу, её предупредили о корпоративном дресс-коде: юбка должна закрывать колени. Тогда она возмутилась «старушечьей длиной», а сейчас ей это пригодилось, она была рада, что юбка закрыла ссадины, залепленные пластырем. Потом протерла стекла очков, одно треснуло прямо на середине. Встряхнула волосы, которые спускались до пояса, и гор-

дой походкой пошла к своей цели.

Она опоздала на целую минуту, но, к счастью, всё обошлось. Встретили её там хорошо, сотрудники ей понравились. Место ей выделили в небольшом кабинете окнами во двор. Это была тeneвая сторона здания, но два окна, светлая мебель: три огромных компьютерных стола, шкаф купе с зеркальной панелью – компенсировали недостаток солнца. За двумя столами уже работали двое сотрудников: Татьяна и Виктор. Татьяне на вид было лет тридцать, серьезная до мозга костей, как определила Анечка. А Виктор был высокий нескладный паренек с задумчивым выражением лица, худой, в очках, как и она сама, и с раскатистой буквой «р» в разговоре.

«Просто Дон Кихот какой-то», – подумала почему-то Анечка.

В кабинете было много цветов – детище Татьяны. «Если женщина разводит цветы, значит, она должна быть доброй и милой», – подумала Анечка. В коридоре, рядом с дверью, стоял кулер с горячей и холодной водой, так что проблем с чашечкой кофе у неё не возникало. Работы в первый день было немного, видимо, сказала доброта Татьяны, но зато часто заходили сотрудники из других отделов. Кто-то просто рассматривал ее, кто-то церемонно знакомился с новой переводчицей. Ей было неловко за ссадину на щеке, она старалась повернуться другой половиной лица, но это было ужасно неудобно: тогда получалось, что она смотрит в стену. Она

представила свой профиль как барельеф на стене и улыбнулась.

«Интеллигентные люди – совершенно не замечают мою разодранную щеку! Повезло мне с новыми сотрудниками», – решила Анечка.

Время бежало быстро.

После обеда дверь вдруг с шумом открылась, и в кабинет ввалился полный мужчина лет сорока. У него были длинные темные лоснящиеся волосы, как будто намазанные маслом, собранные сзади в хвост, близко посаженные маленькие глазки, которые отыскивали Анечку и жадно впились в неё.

– А вот и она, новенькая. – Казалось, он был доволен осмотром. – А что у нас с щекой? Витулек, уж не ты ли? Айя-яй, такая невеста симпатичная... Женихи-то тебя обскачат!

– Ой, ли? Уж не ты ли, Евгений Алексеевич, со своими детишками? – Татьяна ухмыльнулась.

– А что? Детишки у меня примерные. Вот только разве-дусь!

– Ладно, у нас свой жених лучше некоторых, – она посмотрела на Виктора.

Виктор фыркнул, взял бокал с надписью «Босс» и выско-чил из кабинета.

– Не скучайте, девушки, сейчас много работы, но я еще приду, – гость подмигнул Анечке и мотнул хвостом, повернувшись к выходу.

– Ладно, и без него у нас женихов много, – подвела итог

Татьяна.

– Без Виктора или того, с детишками?

– Без обоих. Кстати, Евгений Алексеевич – умный мужик. – Она помолчала. – Да, бабы каются, а девки замуж собираются, – грустно подытожила Татьяна.

– Так все плохо?

– Будем работать, – грустно ответила женщина, глядя в никуда.

*

Рабочий день быстро пролетел. Выйдя из здания и попрощавшись с Татьяной, Анечка увидела своего школьного друга, который, можно сказать, таял от любви к ней со школьной скамьи. Он стоял с букетом необыкновенно разнообразных цветов, но при этом необычайно красивым.

– Вовка! – обрадовалась Анечка.

– Поздравляю с первым рабочим днем, – передал он ей букет.

– Как ты узнал?

– Сорока натрещала.

– Ах, да. Знаю я этих сорок!

– А кто же еще? Они, сердечные. Ты же сама не соизволила. – Он кивнул головой на разбитую щеку Ани. – Ты теперь работаешь на ринге? Стоит тебя одну отпустить в люди, как ты уже и приложилась...

– К бутылке?

– К асфальту, скорее всего. За тобой нужен глаз да глаз.

– Ты на что намекаешь?

– Выходи за меня замуж, со мной падать не будешь, – вдруг решительно высказался молодой человек.

– Лучше удочери меня, будешь водить меня за руку и мять памперсы, – стала заводиться Анна.

– Ладно, не кипятись. Погуляем?

– Давай погуляем. А то всё кабинет, кабинет, – она попыталась изобразить акцент знаменитого киногероя.

– Тогда мы пойдем в эту сторону, – определил Владимир.

Владимир Корниенко безоглядно влюбился в Аню в восьмом классе, когда пришел к ее в класс новеньким. Его отца, военнослужащего, перевели преподавателем в Академию, и Володя после гарнизонов и небольших городов, оказавшись в столичной школе, показал всем, что такое свободная жизнь. Его выдумок хватало на весь класс, да и на всю школу тоже. Он постоянно кого-то донимал усиленным вниманием, что-то переставлял, так, что нельзя было сразу найти, то прятал классные журналы или портфели одноклассников, успевал зашивать рукава рубашек одноклассникам в раздевалке, а однажды умудрился прибить к полу Леньке-отличнику, получая двойки за поведение и приводя частенько родителей по требованию учителей. Но учился он хорошо, да и в классе его любили и уважали потому, что шутки его были добродушными, и ещё он давал списывать математику. Если Аня в то время была уже девушкой, то Вовка, как его все называли, был сущим ребенком. И вместо того, чтобы встре-

чать её, провожать, дарить цветы и выражать прочие сантименты, он пытался оказывать ей знаки внимания по-своему: то сумку её спрячет, то её стол испачкает или передвинет его в другой угол, то на тетради нарисует ей кривого чертика. Анечка не понимала, что так можно проявлять ухаживания, она сердилась на бестолкового одноклассника, её раздражала в нем, по ее словам, детсадовская инициатива. Тем более что он и ростом был ниже её, и только к выпускному балу он друг подрос и стал даже выше Анечки.

Поступив в университет имени Баумана, он с годами повзрослел, понял, чего от парней хотят девушки, но для Анны он как был ребенком, так им и остался. Она не воспринимала его как кавалера. Тем более, у него время от времени прорывалась его детская вредность. Столы он больше не двигал, но в разговоре обязательно в какой-то момент начинал противоречить, именно там, где нужно было безоговорочно соглашаться, как считала Анечка.

Вот как сейчас. Они прошли довольно много, Анечка захотела пить и предложила зайти в кафе, мимо которого они проходили. Но он стал, как всегда, ее отговаривать. Анечка, привыкшая к тому, что друг всегда противоречит ей, стала настаивать. Тогда он рассказал целую историю, как он с друзьями был недавно в этом кафе, и их чуть было не отравили. Пока он рассказывал историю с какими-то жуткими подробностями, они прошли мимо.

В конце концов, он сжалился над ней и предложил ей дру-

гое кафе, к которому они как раз подошли.

– А здесь вас не травили?

– Не-ет, здесь отменная еда, и питьё тоже.

За столиком, к которому подвел её Владимир, сидели их одноклассники, которые пять лет после окончания школы периодически встречались, сплотившись в дружную команду, поддерживая друг друга в трудных ситуациях, если таковые случались, а в основном отдыхая вместе, хотя все заканчивали разные вузы. Это были Марина с Сергеем, влюбленная пара, Ольга, Наталья и Юрий. А Марина и Аня в школе лучшими подругами, и про себя говорили, что были всегда вместе, как лед с водой. Одинаковые очки, прически, по два хвоста с бантами – их называли сиамскими близнецами, хотя они были очень разными.

Аня по очереди расцеловала всех сидящих.

– Сюрприз удался!

– А меня? – заволновался Владимир.

– А тебя два раза за страшную историю об отравлении в жутком кафе. Конспираторы! – погрозила она пальцем Владимиру.

– А можно – три?

– Нет, – строго остановила она его.

Она и так уже снизошла до неслыханной милости, хотя в другом случае не было бы и двух поцелуев. Она считала, что не вправе давать ему хоть маленькую надежду, поскольку любви, какой хотел этот человек, она к нему не испыты-

вала. А подавать безосновательную надежду человеку, которого она не любила, было с её стороны нечестно.

Присутствующие здесь друзья Ани, закончив вузы, уже работали. Аня же отстала от них, потому что ездила в Англию, чтобы проведать мать, а заодно и стажироваться в изучении английского языка.

– Анечка, это тебя Вова поцарапал? – Предположила Марина, увидев ссадину на её лице.

– Бандитская пуля. А Вовка меня спасал.

– Да? Так он – твой спасатель? Или спаситель? – Игриво подмигнула подруга.

Анечка вдруг вспомнила своего «спасателя», того, кто поднял её. Он промелькнул в её сознании, и она только сейчас поняла, что он молодой и очень симпатичный. Это заставило её покраснеть.

Друзья, увидев, как покраснела Аня, дружно засмеялись.

Анна сидела с друзьями, и ей не хотелось, чтобы вечер кончался. Ей нравилось смеяться с друзьями, обсуждать проблемы мирового масштаба, сплетничать про знакомых и смотреть на Сергея. Как Вовка любит её, Анна любила Сергея. Безнадежно, безмолвно. Или любила мысль о том, что она любит Сергея. В этом она боялась даже признаться себе самой. Ей было радостно и грустно одновременно. Скорее всего – это отголосок детства, сказала она себе. Она слушала ребят, что-то отвечала, хором они хохотали, привлекая внимание сидящих за другими столами. За такие минуты, счи-

тала она, можно много отдать, и как это хорошо, что у неё такие славные друзья.

Марина и Сергей с первого класса сидели за одной партой, кажется, до седьмого. А потом вдруг Марина стала смущаться, когда по привычке их называли женихом и невестой, и пересела к Ане. В школе она была рядом с Аней, а из школы уходила всегда вместе с Сергеем.

А Ольга безнадежно страдала от любви к Вовке. Она была тихая, всегда оставалась на заднем плане, в противоположность шустрому Владимиру. Да еще она очень смущалась своего высокого роста, ей чудилось, что она намного выше Володи, хотя они были одинакового роста, а это делало её еще тише и незаметнее. Это был её секрет, Володя даже не догадывался об этом, и два человека, которые как противоположности, могли создать единое целое, и внешне были похожи, оставались на разных полюсах с разными мыслями. Так часто бывает. Классики давно уже об этом сказали: «Юноша девушку любит, а той по сердцу другой, другой полюбил другую – и та его стала женой». «Старо, как мир», – философствовала Анечка.

Её сладкие мысли прервал Сергей. Высокопарно он объявил, что они с Мариной в скором времени поженятся, что все приглашаются на банкет, а еще – у них будет ребенок.

– Но это секрет, предки пока не знают об этом.

Все дружно стали поздравлять их, Вовка закричал «горько!», а Ане стало смешно. Она представила себя древней

старухой с клюкой, шамкающей беззубым ртом: «Как васы правнучьки? А? Я – нитиво. Как всегда – одна». Да, грустно, до тошноты. Но какая прекрасная пара: ребята замечательно смотрятся вместе, и дети у них будут красивыми.

– Один знаменитый американец сказал: «Детей иметь не следует, а внуков – непременно». Ну, если уж решили родить, то обязательно возьмите меня в крестные мамы, – решительно, тоном, не терпящим возражений, изрекла Анечка.

Эта мысль так понравилась друзьям, что все стали предлагать свои услуги: кто просился в свидетели, кто – в крестные матери или отцы.

– Ребята, не обижайтесь, но у нас в крестные берут только родственников, – остановил всех жених.

– Почему? – Хором удивилась друзья.

– Ну, не знаю, наверное, родственники всегда будут рядом.

– А друзья? Где будут друзья? – вопрошали молодые люди.

– Друзья тоже всегда будут, – стала помогать Марина жениху.

– А как же – не имей сто рублей, а имей сто друзей?

– Мой отец говорит: свой своему поневоле рад. Ну, а друзья могут и уйти.

– Друзья, мне кажется, гораздо надежнее, – запротестовала Анечка, – кстати, по этому поводу есть народная муд-

рость: лучше плохой друг, чем хороший родственник.

– Ну, ты и переврала! – возмутился спокойный Юрий. – Там все не так: хороший сосед – лучше всякого ближнего родственника. Это о соседях, а не друзьях.

Компания вспыхнула, загалдела, кто-то выступал за друзей, кто-то за родственников.

Но спорить быстро устали, чуть успокоившись, выпили шампанского за молодую семью и решили расходиться, так как всем завтра надо было идти на работу.

*

На следующий день Анна шла на работу гораздо уверенней, чем в первый день. Но, идя по скверу, она замедлила шаг.

– Спешить – здоровью вредить, – она вспомнила своё вчерашнее падение и пошла медленной, но гордой походкой.

День был насыщен событиями и людьми. Она знакомилась с очередными сотрудниками, путалась в именах и фамилиях, да и работы прибавилось. А еще она вспомнила того, кто помог ей подняться. И опять у неё разыгралось воображение. Вот если бы на аллее не оказалось «сестры милосердия» – и что ей дома не сиделось! – он довел бы её до работы, они познакомились бы и, наверняка, он пригласил бы её на свидание. Но ничего это не случилось вчера, и не увидела она его и сегодня, хотя очень энергично оглядывалась, проходя по скверу. Анечка благополучно пришла в свою фирму. Когда её загрузили работой, она решила, что её

просто в первый день пожалели. Даже в коридор за кипятком удавалось выйти не часто. Она споткнулась на предложении, которое никак не удавалось перевести. Она перепробовала несколько вариантов, но ни один ей не нравился. Наконец сделав из двух предложений одно с придаточным, она залюбовалась своим творением.

– Технические характеристики качественно выполненной... – начала она удовлетворенно перечитывать предложение, но не успела.

Ей срочно велели прийти в отдел кадров.

Она шла по лестнице, а в голове все крутилась статья, которую она переводила. Навстречу ей сбегал молодой человек. Анечка, чтобы не столкнуться с ним, шагнула в сторону, и бегущий человек тоже шагнул в её сторону, Анечка шагнула в другую сторону, и тот тоже шагнул в другую так, что они столкнулись.

– Простите, – сказали они одновременно и разошлись.

Молодой человек продолжил свой спуск, а ошарашенная Аня остановилась, как вкопанная. Это был тот самый человек, который помог ей подняться после того злополучного падения на аллее сквера. Но он, конечно же, не узнал её. Да если бы и узнал, разве он кинулся бы к ней в объятия? «Я была бы не против», – мелькнула непрошенная мысль.

Сначала она испугалась, потом обрадовалась. У неё слегка затряслись коленки, задрожали руки.

– Что это со мной? Никогда такого не было. Держи себя в

руках, – уговаривала она сама себя.

Она забыла, куда шла. Постояла, мысленно вернулась назад и вспомнила звонок из отдела кадров.

«Как называется это болезнь, когда теряют память?»

Следующие два дня Анна пыталась узнать, кто же он, её «спасатель». Но она не могла описать человека, о котором спрашивала. Ну, красивый, ну, высокий, а – дальше? Как спросить о человеке, о котором ты ничего не знаешь. Осталось положиться на волю случая.

Случай представился сам, и, как всегда, некстати.

Это было в пятницу на следующей неделе. Во время обеденного перерыва Аня и Татьяна, вернувшись из кафе, которое было на первом этаже здания, решили выпить кофе. Взяв чашки, вышли в коридор к кулеру. Аня, налив воды в свою чашку, куда она уже насыпала кофе, повернулась, чтобы уступить место Татьяне, столкнулась с человеком, идущим по коридору, облив его при этом горячим напитком. Она подняла глаза и вскрикнула от неожиданности: это был человек, о котором она тщетно пыталась что-то узнать.

– Что же вы сделали? – Спокойно, но мрачно спросил пострадавший. – Мне нужно ехать на встречу с директором банка.

Анечка хотела извиниться, но от мысли о содеянном, от сдвинутых бровей пострадавшего стала заикаться и что-то невнятно бормотать.

– П-п-простите-те, я...я...не...не...чаянно...я...

Он не стал слушать, повернулся и пошел в другую сторону, к выходу, бросив на ходу:

– Ну и сотрудничков набрали неуклюжих!

Анечка расплакалась.

«Я хотела с ним познакомиться, а вместо этого облила его горячим кофе. Всё! Это крах всему. Крах моему счастью».

– Я пропала.

Татьяна решила, что новенькая плачет от страха за карьеру.

– Ну, не надо, не плачь, – утешала её Татьяна, – всё образуется. Никто тебя не уволит. Ну, с кем не бывает? А потом он адекватный руководитель, без истерик.

– Как руководитель? – Перестала плакать Аня. – Какой руководитель?

– Коммерческий директор. Андрей Николаевич Антонов. А что тебя так напугало?

– Всё! Теперь точно уволят, – обреченно выдохнула Анечка.

– Давай всё-таки выпьем кофе, поговорим, успокоишься!

– Теперь можно всё.

*

Анечка жила одна. Ее мать, похоронив пять лет назад мужа, отца Анечки, через год вышла замуж за предпринимателя, который был на шесть лет ее моложе, и переехала к мужу. А сейчас она вместе с ним жила не первый месяц в Англии, как она говорила, «по делам службы».

Анечка выросла в счастливой семье. У неё были любящие родители, которые чаще шутили, чем говорили серьезно. Но были они на удивление разными людьми. У матери был легкий характер: она не обижалась, не умела грустить или хмуриться, была легкой на подъем и могла петь сама для себя, не обращая внимания на чье-либо присутствие. Отец Анечки был серьезным и спокойным во всех серьезных делах, он был старше жены на восемь лет и воспринимал её как ребёнка. Но отдыхать он любил весело, с выдумкой и шалостями, забывая о работе, о проблемах, как будто послушный и воспитанный подросток, перелезая через забор к соседям в сад за яблоками, становился сорвиголовой.

А ещё не чаял души в своей дочурке. С самого её рождения он был для неё больше матерью, чем настоящая: он сам купал её по вечерам, гулял, как только приходил домой с работы, а когда та стала подрастать, читал ей книжки, занимался с ней после школы, проверяя все домашние задания. Вместе они любили мчаться на «Жигулях» с ветерком, оба были влюблены в скорость. Он и Анечку научил отличному вождению, правила дорожного движения она знала на зубок ещё с младшей школы, а когда ей исполнилось восемнадцать, она без проблем получила права.

Анечка платила отцу той же дорогой монетой любви, которую он вложил в неё. Для неё он был и другом и подругой, и матерью и отцом. Только ему рассказывала она сначала детские секреты, а потом и девичьи, доверяя ему всё. Он

знал всех её друзей и подруг, частенько давал ей советы, которым она неуклонно следовала. А мать, как легкий мотылек, порхала вокруг них, радуясь, но не вникая и не влезая в эту дружбу. Впрочем, она оправдывала сравнение с мотыльком, среднего роста, миниатюрная, с хорошей фигуркой, она и выглядела очень молодо, их даже незнакомые люди принимали скорее за подруг, чем за мать с дочерью.

А Анечка была похожа на отца и внешне, и характером. Среднего роста, не красавица, но с запоминающейся внешностью: черты лица правильные, на подбородке ямочка, уголки губ, когда она улыбалась, поднимались вверх, придавая радостное выражение лица, а глаза – синие, бездонные, казалось, таили необыкновенную тайну. Но в целом она создавала впечатление очень серьезного человека, а редкая улыбка скорее подчеркивала её серьёзность.

Николай Игоревич был центром семьи, а для Анечки – ещё и центром вселенной.

Умер он так же, как и жил, спокойно и серьёзно. Вечером пришел с работы серьезный, погруженный в свои мысли, то ли грустный, то ли расстроенный, нехотя отвечал на вопросы жены, сказал, что очень устал, и лег спать. Умер во сне – не выдержало сердце.

Отдав с самого начала семейной жизни все вопросы в ведение мужа, Алла Сергеевна растерялась, когда он умер, и несколько месяцев жила как слепой котенок, натываясь на неразрешимые проблемы. Ей было невдомек, что Анечке то-

же могло быть плохо, настолько она погрузилась в свои переживания. А Анечка, оставшись одна со своим горем, металась из крайности в крайность: то часами плакала, то могла сидеть и просто смотреть в одну точку, то, выйдя из дома на лекции, могла пройти пол-Москвы, так и не дойдя до института, а то могла лежать в кровати и день, и два.

Помогли ей друзья, которые устроили дежурства, стараясь постоянно быть рядом с ней. Потом пришла в себя Алла Сергеевна, как будто проснувшись ото сна и удивившись, что Анечку охраняют друзья, сменила их на посту. Теперь мать и дочь всегда были вместе, помогая друг другу перенести горе, понемногу приходя в себя и привыкая к одиночеству без мужа и отца.

Алла Сергеевна долго не могла решиться выйти второй раз замуж, боясь оставить дочь одну, но Анечка сама настояла на этом, пообещав матери, что с ней всё будет замечательно, убедив мать, что она в порядке и будет думать только об учебе и учиться на пятерки.

– Он взял меня любовью, – объясняла она свое второе замужество.

И правда, будучи младше Аллы Сергеевны, Олег Витальевич был настолько влюблен в неё, что стал её тенью, пока она не оттаяла после смерти мужа, и не приняла его.

После переезда матери к новому мужу, Анечка поначалу скучала, потом привыкла быть сама себе хозяйкой, и ей это даже понравилось.

А сейчас мать уехала вместе с мужем в Англию, но звонила дочери очень часто, давала ей советы и пыталась быть в курсе всех ее дел, обещая скоро приехать.

*

В субботу Анечка с утра, сделав домашние дела, которые накопились за рабочую неделю, легла на диван, открыв недочитанную книгу «Норвежский лес». Она любила еще со школьных лет поваляться на диване с хорошей книгой. Но сейчас вникнуть в происходящее ей никак не удавалось, мысли всё время убегали, и она ловила себя на том, что глаза пробежали несколько страниц, но ни смысла, ни действия она не уловила. Приходилось возвращаться к той странице, действие которой она помнила, и начинать пройденный текст сначала. То ли книга была слишком тяжелой, то ли её состояние было таково, что свои собственные мысли требовали большего внимания, чем чужие. Сделав несколько попыток, она отложила книгу и попыталась сосредоточиться на том, что её волновало. Она вспоминала рабочую неделю в новой фирме: новые люди, новая работа, новые проблемы... Она старалась всю неделю показать себя с самой лучшей стороны и, как она думала, ей это удалось. В смысле переводов. Там она показала себя на высоте. Все было замечательно, кроме... «Это же надо было облить директора кофе. А что бы я сделала, если бы меня девчонка облила кипятком? О Боже! Пятна кофе на любимом платье. Разодрала бы в куски! И уволила. Может быть, меня тоже уволят. А это зати-

шьё – просто идет оформление. А в понедельник я приду на работу, а мне выдадут расчет за неделю и трудовую книжку. Ладно, работу я найду, но как стыдно! Возможно, он вызовет меня к себе в кабинет. Ну, хоть какая-то радость. Я побежала бы к нему сломя голову. Что это я так прилипла к нему? Всё, надо забыть: и его, и этот злополучный кофе».

Её мысли прервал телефонный звонок. Звонила мать.

– Аннушка, привет. Как дела, моя красавица?

– Ты шутишь, мам? Какая же я красавица, если меня не любит один человек?

– Ну, если не любит ни один, то – плохо. А если – один, то это – неплохо, а я считаю, что даже поправимо.

– Увы. Мне нужен один. Как это поправить? А будешь смеяться, выйду замуж за Вовку.

– Неплохой вариант – одобряю.

– Не смешно.

– Тогда не болтай зря. Кстати, Вова очень хороший человек.

– Я знаю. Он будет идеальным мужем. У него только один недостаток.

– Какой?

– Я не люблю его.

– Девочка моя дорогая! У тебя еще всё будет в жизни.

– Кроме Андрея.

– Так его Андреем зовут?

– Андрей-воробей, не гоняй голубей.

– О-о! Это уже не симптом, это – клиника.

– Мама!

– По-моему, это твои слова.

– Сейчас они не подходят, – обиделась дочь.

– Хочешь, я приеду?

– Нет-нет, все хорошо, не волнуйся. Ты же знаешь, что я

– пай-девочка. Бай-бай.

– Это по-русски или по-английски?

– Как тебе больше нравится. Пока, мам. Ко мне кто-то

пришел.

Это была Ольга.

– Привет, подруга.

– Привет, Олечка. Пойдем на кухню. Чай будешь? Или...

– Или.

– У меня есть хорошее красное вино. Краснодарское!

– А я пиво принесла. Давай как в молодости. Помнишь,

студентками, мы...

– Да, молодость, молодость...

Они дружно рассмеялись.

Так они долго сидели и разговаривали, и Анечка стала замечать, что Ольга странно себя ведет.

Ольга была симпатичной пухленькой блондинкой. Вокруг неё вились многочисленные воздыхатели, но она как-то особо никого не выделяла, и частенько выглядела грустной. Аня говорила в такие моменты, что Оля – томная красавица с картины Грёза и называла её Fleur Blanche, белым цветком.

Но сейчас подруга выглядела чересчур нервной, как будто её мучило что-то неприятное.

– Так что у тебя в кармане, – неожиданно спросила она подругу, – вытаскивай?!

Ольга растерялась.

– Ничего у меня нет, да и карманов – тоже.

Анечка улыбнулась.

– В кармане точно нет, а что за душой таишь?

– А-а, нет. Впрочем, да. Я хотела спросить, тебе нравится

Володя?

– Ты имеешь в виду Вовку?

Анечка закатила глаза.

– Безумно!

– Ты смеешься?

– Смеюсь. А почему ты так решила?

– Ты так смутилась и покраснела, когда говорили о том, как он тебя спас.

Анечка не выдержала и расхохоталась.

– Олюня, я никогда не представляла себя рядом с Вовкой. Он для меня – надежный друг, но не кандидат в мужа. Тем более что не он меня спасал.

– Другом может быть только бывший любовник.

– Где ты нахваталась таких глупых и пошлых сентенций,

Оля?

Ольга безразлично пожала плечами.

– Я даже не могу сказать тебе, чтобы ты его забрала, по-

тому что он – не мой, то есть не моя собственность. Если любишь его – добивайся его любви. Сделай так, чтобы ему без тебя стало невыносимо.

– А сама-то ты уже так сделала всё это ради того, из-за которого вчера покраснела?

Анечка смутилась и потом горько призналась.

– Да, советовать всегда легче. Получается мы с тобой друзья по несчастью. Меня, возможно, даже с работы выгонят. А может быть, по счастью – с какой стороны посмотреть.

– Да уж, – согласилась подруга, – но знаешь, это всё от того, что я – блондинка, и меня никто всерьез не воспринимает.

– Наоборот, мужчины любят блондинок. Но если это тебя напрягает – перекрасься, – пошутила Аня, – и тогда Fleurblanche превратится в черную колючую розу.

*

Так проходили дни: томительно и грустно. Анечка ходила на работу в свою фирму: никто её не уволил, да, кажется, никто и не собирался почтить её усиленным вниманием. Она узнала, что Андрей Николаевич не женат, и это стало для неё большой радостью, поскольку в ней теплилась надежда, что он когда-нибудь её обязательно заметит и полюбит. Она пыталась увидеть его, но и эти редкие встречи не приносили ожидаемого счастья: он даже не смотрел в её сторону. Общие совещания она не считала за встречи, поскольку вокруг было много людей, и встречей это никак не назовешь. Такие

«встречи» её только расстраивали. Пару раз она встретила с ним в коридоре, но он на неё даже не взглянул, бросив в ответ на ходу пустое «здравствуйте».

Однажды Анечка, увидев своего директора в конце коридора, идущего ей навстречу, решительно зашагала к нему, представив, что она сейчас с ним заговорит. О чем она будет говорить – было не важно, или она просто не подумала об этом, главное – подойти к нему. Уголки губ поползли вверх, глаза округлились, дыхание остановилось.

Но тут открылась коварная потайная дверь, и из нее выскочил толстяк с волосами, схваченными резинкой, и кинулся под ноги Анечкиной цели.

– Андрей Николаевич, вы только посмотрите, что это такое, – гневно кричал он, протягивая ему бумаги трясущими руками.

– Евгений Алексеевич, я спешу, пойдёте со мной, я по дороге посмотрю.

И они оба прошли мимо неё, как сквозь дым, не обратив на остолбеневшую девушку ни малейшего внимания.

«Он будет моим врагом номер один, этот толстяк с хвостом».

Шла медленная череда обыденных событий, ничем не выдающихся, ничего не значащих, мелких и с любой стороны неважных. И только приезд матери встряхнул Анечку, как утренний ветер всколыхнул поверхность скучающего

под штилем озера.

– Ты надолго? Я стала забывать твоё лицо.

– Что ты, дорогая! Мы почти каждый день в Скайпе смотрели друг на друга.

– Это другое. Что может быть лучше живого общения? Всё остальное – скучно и мелко: Интернет, телефон, SMSки... Я хочу взять тебя за руку, посмотреть в глаза – и можно ничего не говорить. Вот как сейчас, – она обняла мать, – я вижу, что ты счастлива. Ты могла хоть сколько говорить по телефону, что у тебя всё хорошо, но это могло быть обычным этикетом. А сейчас я смотрю на тебя и чувствую, что это совершенно так! Я так рада за тебя!

– А ты как, моя девочка?

– Нормально.

– Я тоже чувствую, что с тобой происходит нечто. И меня это не радует.

– Я как будто потеряла себя. Я так раньше любила осень! А сейчас меня это как будто не касается. Вот я иду на работу и знаю, что сейчас осень и хочется порадоваться, и даже вижу эту красоту, но она далеко, где-то там, за окном, что ли? Я смотрю и не понимаю. Что же случилось? Как будто что-то потеряла и ищу под ногами, не замечая ничего вокруг и над головой. Со мной такого раньше не было. Ты долго проведешь в Москве?

– Теперь долго. Я буду часто приходить к тебе. Еще и надоем. Скажешь, уезжай скорее в свою Англию.

– Я так устала быть одной, что не скажу. С тобой мне хорошо. Как и с папой.

– Мне кажется, это не потому, что меня нет или папы. Просто пришло время, ты уже взрослая, и тебе пора замуж. Знаешь, я не верю, когда девушка или женщина говорит, что не хочет замуж, они лукавят по разным причинам, но в душе они жаждут найти любимого и быть с ним вместе. А если говорят правду, то это – патология. Так люди созданы Богом, что только там, где мужчина и женщина рядом, там и гармония.

– Значит, я – не гармоничная личность.

Мать тихо засмеялась.

– У тебя все впереди. И, кажется, ты влюбилась.

– Но он меня даже не замечает.

– Кто-то из великих сказал, что тот не познал любви, кто не познал безответную любовь.

– Как это страшно.

– Рассказывай, кто он.

*

Когда мать вернулась в Москву, Анечка ожила. А тут еще грядущая свадьба подружки. Она часто встречалась с Мариной-невестой, Ольгой и Натальей. Они решили, что одного девичника перед свадьбой мало, поэтому и собирались, по крайней мере, раз в неделю. Марина готовилась к свадьбе как-то тихо и скучно, как казалось Анечке. Подружки возбужденно обсуждали фасоны платьев, букеты, выбирали ресто-

ран, а Марина большей частью молчала.

– Девочки, наши родственники все сделают без нас. Они даже меня не спрашивают. Мы хотели с Сергеем только расписаться и уехать в путешествие. Но родственники с обеих сторон решили сделать такую свадьбу, чтобы пела и плясала и запомнилась надолго, чисто по-русски. Так что все ваши усилия тщетны. Как говорится, без меня меня женили.

Марина и Сергей хотели просто съехаться и жить вместе уже до свадьбы, но родня решила соблюсти ритуал полностью и с радостью и энтузиазмом запретили им жить вместе, начав приготовления к основному торжеству.

– Ну, и ладно. Дай хоть видимостью насладиться, а то нам самим когда еще это предстоит!

Ольга принесла каталог свадебных платьев.

– Посмотрите, девчонки, какие платья! Тут и для невесты, и для подружек.

– Мне уже его мать платье купила, сама выбрала.

– Ну, уж это – слишком! – Возмутились и сочувствовали подруги.

Подруги стали рассматривать модели.

– Давай хоть посмотрим. Вдруг тебе какое-нибудь приглянется. Пусть свекровь твоя носит сама свое платье. Ой-ой-ой, какая прелесть! Мне вот это нравится.

– А мне вот это, и это бежевое.

– А вот розовое, какое красивое.

– Нет, розовый цвет – слишком сладенько.

– И даже пошло. Розовое можно надевать только до семи лет.

Дружный хохот раздался в ответ на утверждение Натальи.

– Девочки, я тоже хочу замуж, – не выдержала Ольга. – Счастливая ты, Маринка!

– И твоё время придет, не скучай, – улыбнулась невеста.

– Да, такого, как твой Сергей, поискать нужно.

– Девочки, замужество – не главное в жизни, – прервала их Наталья, – главное – сделать карьеру, встать на ноги. Мужики пошли нынче ненадежные, а так я сама буду планировать себе то, что мне полезно.

Два последних года Наташа часто рассказывала подругам о своих многочисленных ухажерах. Среди них были и летчик, и предприниматель, и врач, и студент, и бог знает, кто еще. Но подруги знали, что у Наташи никого никогда не было, даже когда подруги хотели её познакомиться с каким-то парнем, она отказывалась. То ли она была чересчур скромная, то ли не везло ей с парнями. Красивой её не назовешь, но и не уродка, как определили подруги.

В последнее время она уже не рассказывала о своих кавалерах, и у нее часто проскальзывало утверждение, что замуж она не выйдет.

– Я такая счастливая, что могу только сказать: девчонки, выходите замуж!

– Ты, Маринка, приятное исключение, – продолжала Наталья. – А я смотрю на свою мать, которая четвертый раз

замужем, а счастья так и не нашла. Поэтому я замуж даже соваться не буду, буду зарабатывать и жить в свое удовольствие. А захочу, так и одна рожу и воспитаю ребенка.

– А ты уходи от матери. Вот я снимаю квартиру, и ты сними, – предложила Оля.

– Ты как всегда в своем амплу. Наташа, если твоя мать не стала счастливой, это не повод не выходить замуж. Это ты так говоришь, пока не влюбилась. А как коснется тебя – еще как побежишь замуж. Кстати, моя мать второй раз замужем, и очень довольна жизнью. – Анечка пыталась защитить брак и семью. – Да и ребенка без мужика не родишь.

– Замужество – пережиток прошлого. Вчера как раз передача была о том, что семья как таковая изжила себя, и теперь будут другие формы.

– Гражданский брак? – Удивилась Анечка. – Так он уже давно существует. Но счастья мало кому принес. Ты и сама знаешь. А какие могут быть еще формы?

– Самые разные. Скажем, приходящий муж. Но всё равно, это – не моё. Ну, я не знаю. Поэтому и не хочу замуж ни в какой форме, – упиралась Наталья. – Чем больше я узнаю мужчин, тем больше мне хочется общаться с животными.

Наталья недавно начала карьеру ветеринара.

– Ну, ты загнула! Вообще-то это было сказано не про мужчин... – начала Аня.

– А мне приходящий муж не нужен, я – собственница. Ладно, девочки, не будем спорить, – пыталась успокоить по-

друг Ольга. – Я недавно книгу купила, фэн-шуй. Это китайское искусство гармоничного сочетания жизни с окружающей средой. Очень полезная вещь. Я стала этим заниматься недавно, но результаты уже дают о себе знать. Моя жизнь меняется на глазах. Сейчас вот выйду замуж, потом с вами поделюсь. Счастья на всех хватит.

– Сейчас Марину отдадим замуж, – сделала вывод Анечка, – потом мы с тобой на очереди, Ольгуня, а после займемся Наталкой.

– Какие вы добрые! Попробуйте, – покачала головой Наташа – вы, как дети. Кто сейчас в цене? Стервы! Хотите замуж – становитесь стервами. А вы какой-то фэн-шуй выдумали. Ну, смешно, ей-богу.

– А что значит быть стервой?

– Стерва – это женщина, которая любит только своё я и позволяет мужикам любить себя.

– А что она должна делать, чтобы мужчины её любили? – наивно спросила Оля.

Подруги дружно рассмеялись.

– Нет, – тихо произнесла Анечка – это скучно, когда тебя любят, а ты – нет.

*

У Марины было много родственников, и она уже не раз была свидетельницей свадеб двоюродных, троюродных и прочих сестер и братьев. Она понимала, что свадьба – дело хлопотное, но что свадьба – это еще и нечто очень нервное,

она поняла, только готовясь к своей. Её родственники давали её родителям, по мнению Марины, умопомрачительные советы. А были еще родственники Сергея, правда, не столь многочисленные, как у невесты, но будучи в меньшинстве, превосходили в изощренности советов родственников невесты.

Во-первых, мать Сергея заявила, что платье для невесты должна выбирать только она. Во-вторых, Сергею и Марине запретила встречаться. Приказным тоном объявила Мариной маме, что та должна передать семейную реликвию, кольцо или крестик, а если таковой не окажется, то она посоветует, что надо дарить дочери. В-третьих, она спрятала ото всех платье невесты и кольца для молодых, чтобы кто-нибудь случайно не померил их, обходя все дурные приметы, но забыла при этом показать их жениху и невесте. В-четвертых, невесте приказала вечерами сидеть дома, а отцу в это время давать невесте наставления для будущей семейной жизни во время ожидания свадьбы.

И с каждым днём советов и наставлений, приказов и требований становилось всё больше и больше. Это были указания и о том, как надевать кольца, как выводить молодых из дома до дворца бракосочетания, как вести себя в церкви на венчании, что нужно будет делать гостям и родственникам, и еще масса других «полезных и необходимых» советов.

Марина пыталась протестовать.

– Ну, почему твоя мама требует первую скрипку? Неве-

ста – не она, а – я. Это наша свадьба, и я здесь главная. Всё должно быть так, как я хочу, как мы с тобой хотим, а не твоя мама. Объясни ей. У меня тоже есть мама, а если она захочет, чтобы ты делал всё по её воле?

– Да ладно, я согласен выполнять всё. Приметы придумал народ, и я думаю, что не зря.

– У меня есть подозрения, что больше половины примет придумала твоя мама. А тебе, кажется, всё равно? Тебя всё это устраивает?

– Да, всё нормально, Мариш. Смотри на это проще – не парься.

– Проще! А как же – я?

В глазах у неё появились слёзы.

– Я хочу сама выбрать себе платье, кольцо. А почему я должна вечерами сидеть дома и слушать наставления отца. А почему тогда наставления отца, а не матери. И почему я должна с тобой, с любимым, встречаться тайком на задворках? Тебе не кажется, что твоя мама везде переборщила и пересолила? А эти булавки от сглаза? Почему они должны быть золотыми, и купить их должны мои родители?

– Хочешь булавки простые?

– Я вообще не хочу никаких булавок! Это моя свадьба, и я хочу запомнить её радостной, такой, как я её представляла, а не как чужие люди.

– Моя мама – для тебя чужой человек?

Марина удивленно подняла брови.

– Чужие в смысле другие, не мы с тобой. Но свадьба – не её, а наша. Если тебе дороже мнение твоей мамы, женись на ней, я вообще не пойду на эту чужую свадьбу.

– Значит, ты меня не любишь?

Марина начала реветь. Сергей тоже надулся, отвернувшись от неё. Это добавило масла в огонь, и рёв превратился в рыдания. Сергей дрогнул, обнял её, но не сдавался: не обещал ей, что поговорит со своей матерью.

– Маришка, милая, родителей не выбирают. Нам нужно с этим смириться. Ты не хочешь ссориться со своей мамой? И я не хочу ссориться со своей.

Родственники Марины захотели, чтобы молодые венчались. Но тут запротестовал Сергей, и никто не мог понять причину его поведения. Марина очень хотела узнать эту причину, но Сергей всё переводил в шутку, и Марина начала подозревать его в самом главном. И однажды не выдержала.

– Ты разлюбил меня? Скажи лучше сразу, зачем затягивать агонию? Я всё пойму.

Сергей рассмеялся.

– Ну что ты выдумываешь? Откуда такие мысли? Ну, куда же я без тебя, любимая? Если хочешь, мы обвенчаемся. Можно сразу после загса, а можно чуть позже. Просто я как-то залез в Интернет, и, знаешь, оказалось, это такая сложная процедура! Так что решай. Как скажешь, так и будет.

Марина успокоилась, но как только вернулась домой, бросилась к компьютеру. Как она не догадалась заглянуть в Ин-

тернет? Для неё это было настолько серьезным, что церковь и Интернет никак не совмещались в её понятии. Она много знала о венчании, много раз видела воочию всю эту процедуру, но, оказалось, что знала она только практику, а теория повергла её в шоковое состояние. Она бросилась на кровать и полчаса проплакала со всей силой поверженной души.

Немного успокоившись, она собралась и вышла на улицу, отключив мобильный телефон. Она до вечера бродила по улицам, просто поворачивая туда, куда несли ноги. Она пыталась успокоиться, ускоряя шаг. Ей казалось, что быстрая ходьба облегчит её страдания, и старалась думать о самых разных вещах, но всё было тщетно. Она ходила по незнакомым улицам, на которых ни разу не была, заблудилась, и не знала, куда нужно идти. Иногда она начинала себя жалеть, и тогда слезы текли по щекам, и она не успевала их вытирать. Ей казалось, что со свадьбой все кончено, она никому теперь не поверит, и никогда не выйдет замуж. Это было не очень хорошим решением, но всё же – решением, и она немного успокоилась, потому что смятение заменилось конкретной мыслью и вернуло её в реальную жизнь. Она почувствовала усталость и подумала о том, что не мешало бы перекусить, и засмеялась: она, видимо, успокоилась, если стала думать о еде. Марина включила телефон и позвонила Ане. Аня жила одна, и это ее устроило, так как она не хотела никаких компаний – это было выше её сил. Ей просто захотелось тихо обо всем поговорить – а Аня была как раз таким человеком,

с которым ей удастся поговорить спокойно, без эмоций. Та была уже дома, и Марина, взяв такси, поехала к подруге.

– Что-то случилось? – Аня сразу заметила заплаканные глаза подруги.

Марина, почувствовав к себе жалость, заплакала.

– Ну, ну, не надо плакать. Заходи, расскажи, что случилось. Хочешь чаю или кофе?

– Есть хочу, – всхлипнула незадачливая невеста.

– Пойдем на кухню, я покормлю тебя. У меня есть котлеты и зеленая фасоль. Будешь?

– Буду, – успокаивалась Марина, – а ты со мной будешь есть?

– За компанию – обязательно.

Пока они ели, Аня рассказывала о своей работе, по ходу рассказала два анекдота, так что к концу ужина Марина уже смеялась.

Потом они перешли в комнату, забрались с ногами на диван и перешли к самому важному разговору.

– Ты себе представить не можешь, я так ему верила, а он... а он не хочет венчаться. Вообще-то он уже согласился венчаться, но теперь я не хочу.

– А теперь начни сначала, а то ничего нельзя понять. Ты говорила, что он не хочет венчаться. Он объяснил, почему?

– Он уже хочет, он с радостью согласился, но теперь я знаю, почему он это сделал.

– И что же он сделал?

– Он рассказал, что прочитал в Интернете об очень сложной процедуре венчания. Я раньше как-то не думала, что такое сокровенное можно вот так просто прочесть на многих сайтах. А после того, как он сказал, почитала.

– И что нашла?

– Я сама не знала этого. Я думала, что если повенчают, то это на всю жизнь: один муж – одна жена. А там сказано, что можно три раза разводиться с простого разрешения архиерея, и тебя не спросят даже, почему ты разводишься. Представляешь? А после развода опять можно венчаться. Как же так! Я не понимаю тогда смысла.

Марина заплакала.

Аня села рядом, обняла её за плечи.

– Я тоже не знала, что можно так много раз разводиться.

– Можно и больше, – всхлипывала невеста. – Но тогда нужно особое разрешение. Представляешь?

– А причем здесь решение Сергея?

– Ну как ты не понимаешь? Он тоже думал, что венчание – на всю жизнь, поэтому не хотел. А теперь он знает, что можно и развенчаться, и согласился... Он не любит меня.

Марина разрыдалась.

– Почему ты решила, что не любит? По-моему, он очень тебя любит. Просто передумал, пошел тебе навстречу и согласился венчаться, а ты придумала, не знаю что.

– Правда? – с надеждой в голосе прошептала Марина – а я подумала, что он обрадовался, что можно развенчиваться,

а до этого не хотел венчаться из-за того, что не думал жить со мной всю жизнь.

Аня засмеялась.

– Глупая. Ты же перед свадьбой волнуешься? И он волнуется. Тем более что он – мужчина, а у мужчин другая психология. А если он думал как ты, может быть, так даже лучше, честнее. Ты ведь тоже не знаешь, а вдруг ты его когда-нибудь разлюбишь.

– Я? Да никогда в жизни, – воскликнула Марина, – никогда! Он мой и только мой.

– Да ты ужасная собственница. Брось это. Мужчинам нужна относительная свобода, а то смотри, точно сбежит от жены-диктатора.

– Нет, у меня не сбежит, – успокоилась Марина и хитро заулыбалась. – Я ведь действительно очень его люблю.

– Вот и славно.

– Анечка, дорогая, ты просто гений! Спасибо тебе, ты меня успокоила. Я сейчас позвоню Сергею, он, наверное, беспокоится – ведь я отключила телефон.

– Алло, Серёжа, это я.

Аня с улыбкой смотрела на раскрасневшуюся подругу, которая молчала, а её лицо красноречиво рассказывало о том, что говорил её жених. Она кивала головой и говорила «да», «да».

Марина отключила телефон и торжествующе посмотрела на Аню.

– Он очень переживал за меня весь день. Он сейчас за мной придет. Я думаю, ты была права: он любит меня. Да мы уже для венчания выбрали Благовещения Пресвятой Богородицы Храм в Петровском Парке. Знаешь, этот храм основала Анна Нарышкина в середине девятнадцатого века, там венчалась моя прабабушка Марина. Когда у меня будет много денег, я тоже построю храм.

– Когда у меня будет много денег, я помогу тебе.

Марина поцеловала подругу и побежала к зеркалу поправить макияж.

Сергей приехал очень быстро. Аня проводила подругу.

Марина села в машину, поцеловала в щеку Сергея, ожидая, что он будет ругать её за молчание, и сразу же начала рассказывать придуманную историю о том, что Аня просила её приехать, так как у неё возникли проблемы. История звучала неубедительно, но правду Марина боялась говорить. Сергей за всю дорогу не проронил ни слова.

Зато дома её встретил шквал вопросов о том, где она была весь день, и претензий на то, что отключила телефон. В доме была куча родственников, которые участвовали в поисках пропавшей невесты. Марина отбивалась придуманной историей об Анечке, добавляя мелкие подробности, думая о том, что подруга простит её.

Когда все успокоились, Сергей, сославшись на поздний час, а так и было, стал прощаться. Марина вышла проводить его до машины, и только они вышли в подъезд, Сергей креп-

ко сжал её в объятьях и прошептал прямо в ухо:

– Я тебя очень люблю. Обещай мне, что ты больше никогда не сделаешь ничего подобного.

От этих слов у Марины в глазах появились слезы, а в горле – комок. Она не смогла ответить, только часто-часто закивала, глядя ему в глаза.

Девичник Марина все-таки устроила, хотя подружки считали, что они провели его уже давно и не раз. Но у Марины было много двоюродных, троюродных сестер, племянниц и других родственниц в состоянии и возрасте невест, поэтому их и собрали всех в ресторане.

Девички веселились от души: каждая жаждала тоже выйти замуж и считала, что это репетиция её будущего праздника жизни. Аня пришла туда в прекрасном настроении, ожидая чего-то необыкновенного: она уже была на двух таких мероприятиях, и ей понравилось, правда, те были в гораздо меньших масштабах. И этот девичник она представляла себе, как и прошлые, в виде собрания добрых феечек, которые проводят свою подружку во взрослую фейскую жизнь.

Всё именно так и начиналось.

Аня, Ольга, Наталья сидели за столиком Марины – они пришли раньше всех и по праву первых сели с невестой. Появляющиеся в зале девицы подходили к Марине, поздравляли её, дарили подарки. Потом они целовались с невестой и расходились за свои столики.

– Такой огромный зал. А что, со стороны жениха девицы тоже здесь будут, Марина? – то ли спросила, то ли утвердила Аня.

– Что ты! Ни в коем случае! Только мои подруги и сестры.

– Так много сестер?

– Ну, есть еще тетки «призывного» возраста, есть и племянницы – мои ровесники. На любой вкус.

– А-а-а – протянула удивленная Анечка, у неё самой было всего две двоюродные сестры и один двоюродный брат, и те были далеко. – Я знала, что у тебя много родственников, но – столько! Поэтому я и подумала, что и с той стороны здесь есть гости.

Она начала рассматривать гостей.

Вот впорхнули три веселые, с детскими фигурами, птички, защелкали поздравления. Потом влетела брюнетка, похожая на пантеру, за ней – стройная лань. Не обошлось и без розового откормленного поросенка, ну очень розового, и очень откормленного.

Подшли две высокие ястребицы в черных платьях. У одной на руках были полосатые гетры, и у обеих множество оригинальных браслетов. На головах у них было множество хвостиков, лица белые с обведенными черным глазами, с пирсингом на лице: у одной бусина была в носу, у другой – на губе.

– Это – готы? – Тихо спросила Аня у Марины.

– Нет, это – эмо. Но должна прийти моя троюродная сест-

ра, так вот она причисляет себя к готам, посмотришь, – шепотом ответила та.

Вслед за ними пришли три очень веселые девицы в ярких пестрых нарядах.

– Наш подарок впереди, – низким грудным голосом сообщила одна из них, подмигнув Марине.

Всё замелькало, замельтешило, стало превращаться в пёструю метель необыкновенных нарядов. Чего тут только не было: и вечерних платьев от кутюр с бриллиантами, и проще, с дешевой бижутерией, и джинсы разных фасонов и расцветок.

Позже всех появилась готка. Она была не одна, рядом с ней стояло существо, похожее на неё и было непонятно, то ли это две барышни, то ли парень и девушка. Подруги решили, что это был всё-таки парень. Оба они были в черных брюках, красных бархатных рубашках со множеством колец и цепочек и черных армейских ботинках. На руках перчатки с открытыми пальцами, а ногти покрашены черным лаком. У обоих были черные волосы, только у неё – на макушке схваченные в хвост, а у него всклооченные, торчащие. У него был на шее блестящий ошейник, так это украшение на шее определили девушки, а у нее на руках металлические браслеты. У обоих были очень бледные лица, подведенные черным глаза и веки, вместо сбритых бровей были нарисованные черные, губы – кроваво-красные с черным ободком. На плече у обо-

их висели сумки на длинных ремнях.

– Кто это? – Не выдержала Ольга.

– Это готы. Сейчас подойдут, и мы их рассмотрим. Ну, Нинка дает, ещё и хахаля своего притащила, – возмутилась невеста.

– А мне кажется, что они очень любят друг друга, поэтому не могут расстаться даже на несколько часов, – попыталась оправдать поступок готов Анечка.

– Эх, куда ты загнула! Разве готы могут любить? – удивилась Наташа.

– Они же люди, почему бы и нет.

Готы не дошли до их столика. Молодые женщины, организаторы девичника, подошли к ним, долго им что-то говорили, после чего парень-гот вышел из зала, а девушка-гот прошла к столику в углу зала, куда ей показали.

Потом наступила тишина – девицы приступили к трапезе.

Но через некоторое время от неё ничего не осталось: сначала робко, затем всё громче произносились тосты, поздравления, пожелания, говорили о свободной девичьей жизни, о грядущих обязательствах перед мужем, шутили, намекали, предупреждали, советовали. Нарастал шум, который перекрывала музыка, потом шум брал верх – веселье было в разгаре. Танцевали от души, выкладывались «по полной», стучали каблуки, временами слышался визг вошедших в раж девиц.

Аня тоже танцевала от души, но ей было далеко до насто-

ящих «танцовщиц». Ей иногда казалось, что у некоторых из них начинались обыкновенные конвульсии. Тогда она усаживалась за свой столик и просто смотрела на них.

И когда уже казалось, что гости были утомлены до предела, произошло нечто, что потрясло всех: правда, по-разному.

Вдруг открылись двери, и трое служащих вкатили огромный торт на тонкой платформе. По залу прокатился рокот удивления и восторга. Одна девица дико завизжала от предвкушения предстоящего действия.

– Разве это можно всё съесть? – От удивления у Ани расширились глаза.

– Анечка, ты наивна, как ребенок, – Наташа заслонила ладонью её глаза. – Не смотри, после восемнадцати травма остается на всю жизнь.

Подруги засмеялись.

– Смотри, смотри, закаляйся, – закатывалась Марина. – Ну, девчонки, ну придумали!

– Что, что придумали? Что это? – Не унималась Аня.

Анечке стало неловко от того, что над ней смеялись.

– Или я действительно ребенок, или старая, как мир, старуха. А может быть, просто глупа: кажется, я единственная, кто не понимает происходящего, – прошептала сама себе Аня.

Торт вывезли на середину зала, и под громкую музыку и визжащую толпу на торте вдруг открылась крышка, и вслед за вылетающими воздушными шарами оттуда вылез загоре-

лый, с накаченными бицепсами мужчина.

– Striptease performer – определила Аня.

Она, наконец, поняла, что к чему, и просто парнем или молодым человеком назвать его не смогла.

– Сюрприз из торта может даже танцевать? – Связвила Аня, увидев его странные телодвижения.

– Не парься, Анечка, дай посмотреть хоть раз в жизни. – Наташа не сводила глаз с сюрприза.

Подруги вступились за стриптизера.

– Анечка, не мешай!

– Какой красавчик!

– И танцует – класс!

Аня попыталась понять радость подруг и остальных гостей, которые также бурно радовались зрелищу. Она стала рассматривать смазливую качка, от которого все были в восторге, но ей он не понравился. Не понравились и движения, которые тот пытался сделать плавными, делая при этом томное выражение лица. Он снял куртку и бросил её в зрительниц. Счастливица, её поймавшая, пронзительно завизжала, и крепко прижала к груди ценную вещь, оберегая от посягательств подруг, которые сделали неудавшуюся попытку лишиться ту неожиданной радости.

За курткой полетела рубашка, потом – джинсы...

Дальше Аня не смотрела. Она стала разглядывать зрительниц. У них горели глаза, они хлопали, смеялись, что-то кричали, подбадривая качка. Только готка сидела с непро-

нищаемым лицом.

«Я не одна, хотя, кто знает, какие у неё причины не воспринимать сие зрелище», – рассуждала Анечка.

Стриптизер подошел к невесте, взял её за руку и вывел на середину зала. Прижав её к себе, он очень медленно начал с ней танцевать. Толпа улюлюкала. Это продолжалось недолго. С двух сторон к ним побежали пестрые девицы, раздеваясь на ходу. По всей видимости, они были авторы сего сюрприза. Подскочив к танцующему стриптизеру, они оттянули качка за руки от невесты, и каждая попыталась прижаться к нему. Одновременно им обеим это не удалось, и одна оттолкнула другую. Толчок получился таким сильным, что другая упала. Толпа громко охнула. Кто-то подбежал и помог упавшей подняться. Когда та оказалась на ногах, она, не раздумывая, бросилась с кулаками на обидчицу, которая не осталась в долгу. Началась драка. Стриптизер, молча, смотрел на место побоища масляной улыбкой. Девушки не решались к ним подступить из-за их активности. А поскольку других мужчин здесь не было, пестрые успели друг другу испортить прически, царапались и кусались. Когда подоспели официанты и служащие ресторана, дерущиеся девицы изрядно подустали.

После этого инцидента настроение праздника упало до нуля. Пестрые ушли и увели стриптизера. Самые активные родственницы и организаторы пытались спасти девичник, старались развеселить загрузившую невесту и её гостей, но

у них это плохо получалось. Конкурсы были какие-то скучные, гости вяло смялись, танцы превратились в топтание на месте. И постепенно гости стали расходиться.

«Как хорошо, что у меня мало родственников, а для подруг, если вдруг я соберусь замуж, я сделаю маленький, душевный девичник, – обрадовалась собственному решению Аня, – а на девичнике у меня никто раздеваться не будет – я предупрежу всех: чтобы все были одеты – негласная демонстрация вечерних платьев! Или джинсов. Не важно».

*

Был конец ноября. Шел снег. Крупные снежинки медленно кружили в воздухе. Все вокруг умиротворенно дышало тихой негой. Сильных морозов еще не было, больше было слякоти. Но сегодня легкий мороз превратил слякоть в сплошной белый ковер, и от этого было светло и радостно. Снег лежал на крышах домов, на деревьях, на земле. Проезжающие и стоявшие во дворе у дома машины надели белые шапки. Впрочем, сегодня и у людей все шапки, пальто и шубы были белые. Наконец-то пришла зима!

Марина проснулась очень рано, и сна как не бывало, хотя обычно она могла спать и до двенадцати часов. Сегодня был необычный день: день её свадьбы. Глядя в окно, она долго наслаждалась искрящимся снегом в свете фонарей. Она любила зиму, когда светло от снега и легко от мороза. Любила покататься на коньках и лыжах, а если случалось покататься на санках с большой горки, удовольствию не было конца.

Поэтому и радость сегодня была двойной. Она почистила зубы, полежала в ванне и с блаженной улыбкой принялась за макияж. Приведя себя в порядок, она пошла на кухню. Там уже хлопотала тетя Маша, любимая её тетка.

– Как ты, дорогая? Что так рано встала? Да ты уже и накра-силась, или, как нужно говорить, макияж наложила? Пташка ты моя ранняя!

Она обняла Марину.

– Кофе хочешь?

– Да. Налей, пожалуйста, тетя Маша.

– Как настроение? Подружки скоро придут? Мне нравят-ся твои подружки. Особенно Анечка и Оля. А Наташа, по-моему, грубовата. Нет?

– Нет. Она у нас просто мужененавистница. Говорит, за-муж никогда не выйдет.

– Да, а что же она делать будет?

– Карьеру.

– Карьеру? А как же детки?

– Говорит, без мужа родит.

– Ой, как нехорошо. Не знаю, как уж она это делать будет, но я тебе, как женщина женщине скажу: нельзя нам без му-жиков.

Она налила кофе, пододвинула чашку поближе к племян-нице и сама села за стол напротив.

– Послушай меня, девочка. Я тебе открою секрет долгой счастливой жизни в браке. Я с мужем прожила тридцать че-

тыре года, и мы с ним любим друг друга, как в юности. А у нас тогда большая любовь была! Так вот, никогда не отказывай мужу. Устанешь ли, заболит голова или живот, с радостью иди с мужем в постель. Запомни этот маленький секрет и будешь счастлива с Сережей. И подружкам накажи следовать ему.

Марина с сомнением покачала головой.

– И не сомневайся, милая. Просто помни это, а жизнь подтвердит мои слова.

В это время начали просыпаться все в доме. Подтянулись на кухню родители и младшая сестра Алька, потом еще две тетки, которые здесь ночевали.

За завтраком Марина съела только булочку, запив ее кофе.

– Еда влюбленных, – ехидно заметила Алька.

– Зависть – плохое чувство в день свадьбы старшей сестры, – назидательно погрозила ей Марина и улыбнулась.

– Какая зависть? – Не поняла мать. – Ей только тринадцать.

– Мам, ты как всегда не понимаешь наши шутки, – Алька положила себе добавки, – смотри, сестра, как надо есть – за обе щеки!

– Кажется, уже за три, – поморщилась Марина.

Аня, Ольга и Наташа пришли раньше других гостей помочь собраться невесте. Они были в открытых вечерних платьях, неуволимо похожих, хотя и были разных цветов, и на-

поминали трех граций.

– Ольга, что ты сделала со своими волосами? Где наша Fleurblanche? – хором воскликнули подруги, глядя на бывшую блондинку, которая сняла меховую шапку.

– Теперь я шатенка, – с восторгом сообщила Ольга, – не хочу больше слушать анекдоты про блондинок. Пойдемте-ка лучше к невесте.

Не успели они перемолвиться с невестой и выяснить, в чем конкретно заключается их помощь, в дом стали активно приходить родственники. В просторной квартире невесты стало тесно: все перемещались, перетекали из комнаты в комнату, создавая суету и нервозность. Один спрашивает – хор отвечает, другой что-то ищет, третий дает совершенно ненужные советы, и так – до бесконечности. Три грации были отодвинуты несокрушимой волной на недосягаемое расстояние от невесты.

– Антанта смела нас на задворки истории, – прошептала Аня подругам.

Подруги хихикнули, но исправить положение не смогли.

В конце концов, Аня почувствовала себя не участницей событий в этом муравейнике, а отстраненным наблюдателем.

Прибывали всё новые и новые гости, по-видимому, всё те же многочисленные родственники, для которых свадьба была не только развлечением, но и самой жизнью, и они стремились превратить каждую минуту в незабываемое действие.

Две женщины атаковали Марину: полная молодящаяся

особа неопределенного возраста, постоянно хохотала, и другая, худая, лет тридцати, с серьезным лицом что-то шептала. Первая делала прическу невесте, вторая – пыталась внести свою лепту, получая за это от первой шлепки по рукам. Семь или восемь женщин разных возрастов, стоявшие вокруг, наперебой соревновались за звание лучшей советчицы, не давая ни малейшей возможности подругам подойти к невесте.

– Утешает то, что они ведь не нарочно это делают, а от безмерной любви к родственнице, – подумала Анечка и решила сделать обход по квартире.

На кухне кипела работа: варили, жарили, раскладывали по тарелкам еду. Дети и подростки носили полные тарелки в комнату, где стоял огромный стол, вокруг которого толпились родственники мужского пола. Они знали, что главное пиршество будет еще не скоро, поэтому спешили подкрепиться как следует и спокойно дожидаться главного события свадьбы. Стреляло шампанское, звенели фужеры и вилки с тарелками. Кто-то подходил к столу, кто-то уходил с полными тарелками.

«Полна горница людей», – наблюдательница словно прокручивала кино.

– Есть хочешь?

Аня вздрогнула от тихого вопроса на ухо.

– Вовка, ты меня испугал.

– Так что насчет еды? – Он протягивал ей тарелку с бутербродами.

– Спасибо, я дома поела. Ешь ты. Кстати, поскольку здесь всё пропитано любовью, я скажу тебе: присмотришься к Оле. Она так страдает по тебе!

– Оля? Какая Оля? Наша?

– Наша, наша.

– Я не знал. И давно?

– С времен Очаковских и покоренья Крыма.

– Точно! Посмотри, как она страдает.

Аня посмотрела в сторону, куда указал Володя.

У окна стояла Ольга, а незнакомец кормил её крохотными бутербродами с черной и красной икрой и мини-канапе.

Ольга кокетливо открывала рот, осторожно брала губами бутерброд, показывая при этом ямочки на щеках, и медленно жевала, а между бутербродами смеялась и что-то говорила кавалеру. Потом она откидывала голову назад, при этом её волосы переливались волнами по плечам, и прикрывала глаза. Приоткрытые губы просили поцелуя. А кавалер снова протягивал ей бутерброд. Тут кто-то, проходя мимо них, слегка подтолкнул его руку, и бутерброд полетел на пол.

– Маслом вниз, – прокомментировала Аня.

– Икрой вниз, – уточнил Володя. – Нельзя заранее определить, какую сторону бутерброда мазать маслом.

Аня серьезно продолжила.

– Вероятность того, что бутерброд упадет маслом вниз, прямо пропорциональна стоимости ковра.

Они дружно рассмеялись.

Аня покачала головой и хотела ещё что-то сказать другу, как вдруг стоявший в квартире монотонный гул голосов взорвался и выплеснулся из квартиры: приехал кортеж жениха.

Аня с Володей ринулись к выходу, чтобы не пропустить выкуп невесты, но толпа гостей застряла в дверях, и они только слышали отдельные выкрики веселого действа. Стремясь хоть что-то узреть, они из дальнего угла, поднимаясь на цыпочки, через головы гостей, мельком увидели жениха, чуть позже – невесту. Также радостно толпа потекла вниз по лестнице к машинам. Аня и Володя без труда нашли свои пальто, поскольку в прихожей почти не осталось никакой одежды, и вышли на улицу. Они увидели хвост удаляющегося свадебного кортежа, в изумлении, молча, посмотрели друг на друга и рассмеялись.

С ними осталось несколько женщин, которые, видимо, не планировали ехать в загс, они и предложили им подняться в квартиру, а позже поехать с ними в ресторан. Другим ничего не оставалось, как согласиться.

Через некоторое время, громко и долго сигналив, подъехала машина в лентах, из которой вышло двое молодых мужчин. Опоздавших родственников женщины радостно приветствовали, пообещав, что те также могут проспать и собственные свадьбы. Парни позвонили, узнали, что в загс они уже не успеют, посокрушались, что не увидят такое важное событие кузины и переключились на еду, не забыв открыть шампанское. Аня и Володя присоединились к ним.

Один из них, представившийся Игорем, не сводил глаз с Ани. Поначалу Анечка отводила взгляд, потом, разговорившись, тоже стала в упор разглядывать его. Не то, чтобы он понравился ей, а чисто из спортивного интереса, как она сама определила.

Времени было еще много, и молодые люди решили покататься. Но катание превратилось в стояние в уличных заторах, и, намаявшись сидением в машине, они с трудом, но всё же доехали до ресторана. Вскоре подъехал свадебный поезд. Шум и ликование постепенно улеглись в нормальное течение праздника.

Свадьба началась чинно и важно, как и девичник. Марина и Сергей, теперь уже муж и жена восседали на почетном месте и были так счастливы и далеки от суеты, что казалось, будто они жили в другом измерении, не замечая никого вокруг, и когда развеселый тамада зажигал зал «искрометными» шутками, гости хохотали, они только смотрели друг на друга. Даже когда они, стоя, выслушивали тосты-пожелания, можно было подумать, что улыбаясь, они ничего слышат. А когда они поворачивались друг к другу при слове «горько», казалось, что они исчезали в своем счастливом мире, хотя в это время к ним было приковано всё внимание. Но как только поцелуй заканчивался, жених с невестой садились, они тут же исчезали для окружающих, которые уже не обращали на них никакого внимания, безраздельно отдаваясь напиткам и яствам.

От свадьбы Аня уже не ждала ничего сверхъестественного.

«Свадьба, как свадьба, такая же, как все предыдущие, на которых я была, и на которых, возможно, еще буду, – утешала она себя. – Обычная и скучная, как просмотренный ранее сериал. Надеюсь, стриптизеров и подобных сюрпризов тут не окажется. А жениху и невесте уж точно не нужны ни гости, ни стриптизеры, ни даже подруги».

Она улыбнулась сама себе.

Ольга была с тем же кавалером, который кормил её утром. Они сидели за одним столом и танцевали, обнявшись, Ольга не сводила глаз со своего красавца, а Владимир не сводил глаз со сверкающей от счастья Ольги.

– Смазливый, – оценила Аня Олиного ухажера, – галантный, но слишком уж какой-то томный, глаза с поволокой. Я бы такого не выбрала, – похвалила она себя.

Володя грустно покачал головой, не найдя подходящих слов.

Ольга действительно забыла о Владимире, так она увлеклась новым знакомым. Ей импонировало то, что её новый друг был выше неё, немного старше, красиво ухаживал за ней. Она млела и таяла от того, как он подавал ей руку, провожал после танца к столику, пододвигал стул, наливал шампанское, и сам клал ей кусочки в рот. За ней никто так не ухаживал. Впрочем, и по-другому – тоже. До этого момента она думала только об одном человеке, о Владимире, а сей-

час она вдруг почувствовала, что можно радоваться жизни с другим человеком, который ничуть не хуже того, кому была не нужна.

Наталья, которая была против каких-либо знакомств, тоже не расставалась с каким-то брюнетом. Она уже несколько раз танцевала с ним одним, а он умильно смотрел на неё и постоянно что-то говорил. Наташа при этом как-то уж нарочито отводила глаза и не смотрела на него, даже когда отвечала на его вопросы. А интересовало его всё: где живет, кем приходится невесте, где работает, любит ли природу, жила ли когда-нибудь в деревне, есть ли у неё дача и много чего ещё. Наташа, известная выдумщица, сама не понимая почему, отвечала своему кавалеру честно и откровенно.

А когда тот узнал, что Наталья – ветеринар, удивлению и восторгу его не было конца. Неужели москвичка могла выбрать такую профессию!

– Неужели вы поедете в деревню?

– Зачем? Чем здесь хуже? Я лечу кошек, собак, которым в городе нет числа. А еще люди заводят тут хомячков, попугаев, черепах, всяких игуан, обезьянок, даже крокодильчика к нам приносили. И клиентов, которым не жаль денег для своих питомцев, не счесть. Так что в городе ветеринаром быть гораздо выгоднее и проще, чем в селе с коровами и свиньями.

– Проще?

– Ну, представь, у нас чистый кабинет, собачки после парикмахерских. А что в деревне? Грязный коровник?

– Ты просто не знаешь наших коров, лошадей. Они гораздо умней черепах и крокодилов. Ты хоть раз видела, как смотрит на тебя лошадь?

– Постой, ты что, из деревни?

– Да. Я фермер. У меня большое хозяйство. И мне так нужен симпатичный ветеринар, – выдал он на одном дыхании, резко сделал выдох и крепко прижал к себе Наташу.

Но Аня видела подруг вскользь, в основном она смотрела на своего спутника.

Игорь часто приглашал её танцевать, издалека подавал ей какие-то знаки руками, шевелил губами, как будто что-то ей говорил, а то вдруг начинал ухаживать за другими девушками, а Аня недоуменно провожала его взглядом. В такие моменты она начинала чувствовать свое одиночество, Андрей видением проносился мимо, не глядя на неё, как будто специально игнорируя. Аня сразу сжималась, уходила в себя, ей хотелось забиться в щелку и ни о чем не думать, не дышать. Было больно и страшно.

«Андрей! Что нужно сделать, чтобы ты обратил на меня внимание? Совершить подвиг или умереть у тебя на глазах? Нет, пожалуй, умереть – это слишком круто. Лучше я спасу тебя от какой-нибудь напасти. А еще лучше, чтобы ты спас меня. Но на меня ты не смотришь. А как можно спасти человека, которого даже не замечают: я для него просто не существую. Замкнутый круг!».

Игорь вернулся, пригласил её на медленный танец, нежно

сжал её руку, потом поцеловал каждый палец.

– Я влюбился в тебя с первого взгляда. Почему я не встретил тебя раньше?

– А что произошло бы раньше?

– Я увез бы тебя на край света, где были бы только я и ты.

Наш день, наш остров, наше солнце, наша жизнь.

– А сейчас край света занят?

Он в ответ расхохотался.

– Я вижу, ты согласна. Ты – моя. Ты лучшее, что я встречал.

– Лучшее?..

– Лучшая и неповторимая.

После танца он довел её до столика и отошел на минуту.

Аня осталась сидеть, ошарашенная таким признанием. Через минуту Игорь не пришел. Аня была рада этому, она постаралась взять себя в руки. Наконец она встряхнулась и прежними глазами продолжила рассматривать свадьбу.

Чинное благообразие начальной фазы свадьбы плавно перерастало в бурный поток. Если вначале гости вникали в смысл тостов и ловили каждое слово его произносящего, то теперь уже к середине поздравления в зале становилось шумно: гости переговаривались между собой, звенели раньше времени бокалы и стучали вилки с ложками. А дальше – больше. Про жениха и невесту постепенно забыли. У каждого была своя жизнь, свое веселье.

Сваты сидели за отдельным столиком и увлеченно бесе-

довали. Отец жениха что-то рассказывал, а остальные постоянно его перебивали и вставляли свои реплики. Иногда они дружно все смеялись, после чего наполняли фужеры и страстно чокались.

Пока играл оркестр, тамада что-то шептал на ухо певице, нежно держа её за локоток, а та кокетливо смеялась, показывая при этом все зубы и верхнее нёбо.

Когда играла медленная музыка, выходили пары пожилых людей, и всё выглядело прилично до безобразия. Кавалеры нежно держали свои дам за ручки и талии, а те преданно смотрели им в глаза.

Когда музыка сменялась на современную, в быстром ритме, менялись танцоры. Выходила молодежь, и всё становилось до безобразия неприлично. Но было столько смеха и радостных возгласов, образовывалось множество кружков танцующих, среди которых вдруг возникали лидеры, и окружающие уже не могли оторвать взглядов от их умопомрачительных па. И от этого в зале возникала обстановка радостного единения всех возрастов. Старшее поколение от души смеялось, глядя на эти танцы, иной раз, не выдержав, даже показывали пальцем соседям на особо отличившихся солистов.

А Володя смотрел на Ольгу. Он вдруг увидел её совсем другими глазами, совершенно в другом ракурсе или даже в другом измерении. Какая она милая! И любит его давно. Как он мог этого не заметить? Да, Анечка затмила ему белый

свет. А жизнь-то не остановилась, и его – любят! Он, было, списал себя, как неудачника, а тут оказалось столько вариантов, и, возможно, Ольга – не последний из них. Но как она хороша, хотя блондинкой была гораздо лучше.

– Ты на кого так усиленно смотришь? – Прервал его мысли Юрий. – Опять на Аньку? Да она тебя в упор не видит. Специально за нос водит, держит тебя на коротком поводке, а дальше не пускает. Брось её, а то тебе твоя Анечка всю молодость испортит.

– Это уж слишком, – возмутился Володя.

– Нет, ты подумай. Я не против Аньки. Она, возможно, и клеевая девчонка, но зачем же на ней зацикливаться? Молодость дана, чтобы было весело, а ты киснешь по ней. Посмотри, сколько вокруг девок! Одна другой лучше, и все тебе в рот смотрят. Любая с тобой перепихнуться рада. Пользуйся! Проведи молодость с толком!

– А что для тебя значит «с толком»?

– Ну, как в песне: гуляй, пока молодой. И тебе хорошо, и девки довольны. Вон они как на парней глядят, на любого готовы кинуться.

– А-а, – протянул разочаровано Володя. – А я думал, они только на тебя смотрят.

– Ну, вообще-то, нет. Хотят они, конечно, богатеньких, и замуж за них стремятся. Но ничего, мы тоже не из лохов! И на меня смотрят. Я, может быть, будущий олигарх.

– Ну, я тащусь от тебя! Успеха, олигарх. Лет через два-

дцать. Или тридцать?

– Ладно, не ехидничай. Меня и сейчас девки любят. Ты просто завидуешь.

Игорь вернулся к Ане, взял её за руку и предложил пойти освежиться, слишком уж жарко и душно стало в зале. Аня пошла за ним. Они вышли в холл, прошли мимо малого зала, по переходу вступили в совсем узкий коридор. Вдруг Игорь грубо сгреб Аню в объятия и страстно прижал к себе, впившись в неё поцелуем. Аня растерялась, она не ожидала такого натиска. А он продолжал её целовать до боли в губах. Она попыталась высвободиться, но этого ей не удалось. Тогда она постаралась оттолкнуть его. Но и эта попытка оказалась тщетной. Он был выше неё, занимался кикбоксингом, как он ей рассказывал еще совсем недавно, отчего он возвысился в её глазах: она ценила сильных и устремленных мужчин. А люди, занимающиеся спортом, всегда ей казались целеустремленными. Нужно было иметь сильный характер, чтобы методично развивать силу. Ей этого не было дано.

Но сейчас ей такая сила очень не понравилась. Чем больше она пыталась вырваться, тем крепче он сжимал её. Она хотела наступить ему на ногу шпилькой, вспомнив совет самообороны, но он так придавил её к стене и зажал коленями её ноги, что она не могла этого сделать.

Его рука скользнула вниз по платью и стала поднимать подол платья. Платье было длинное, и пока он поднимал его, держа девушку только одной рукой, Аня всеми силами ста-

ралась высвободиться. Вот он уже поднял подол, и его рука заскользила вверх, нащупав трусики, которые он попытался стянуть вниз.

Тут Аня взорвалась. Она дернулась, что было сил, но вырваться опять не удалось. Игорь стал целовать её в шею, а она вдруг укусила его за ухо. Он вскрикнул и ослабил объятия. Аня рванулась, но он вдруг сильнее сжал её.

– Сучка! Зубы скалила, а теперь – в кусты? Разве ты не этого хотела?

– Пожар, – закричала Аня, собрав остатки сил.

Он сильно прижимал её, надавив на грудь, поэтому крик получился несильным.

В это время из-за угла выскочил Володя, подбежал к ним и сзади резко схватил обидчика под руки и оторвал его от жертвы. Аня отскочила в сторону и, обмякнув, стала приседать на пол. Слезы брызнули у неё из глаз.

Игорь извернулся и стукнул напавшего на него Аниного защитника. Володя зашатался, но не упал.

Аня смотрела на происходящее сквозь слезы и видела всё в тумане. Володя вдруг стал выше, принял стойку, как в американском фильме, и начал профессионально отвечать нападавшему на него кикбоксингеру. Это Аню тогда не удивило, но на душе у неё стало в ту же секунду легче, она поднялась на ноги и побежала за помощью. Когда подошедшие разняли дерущихся, Аня перестала плакать, подбежала к Володе и обняла его. Игоря двое мужчин, взяв под руки, увели.

– Спасибо. Ты настоящий друг!

– Ты это только узнала? А тебя, как всегда, нельзя одну оставить.

– Где ты научился драться?

– Я с первого курса хожу на самбо. Ты не знала?

– Нет.

– Ну, да. Тебе же не интересно что-то знать обо мне.

– Ты лучший друг на свете.

– Ты тоже. Хотя я предпочел бы другое. Пойдем!

– Как ты вдруг оказался здесь?

– Он не понравился мне с тех пор, как только стал подъезжать к тебе.

– Я, пожалуй, поеду домой.

Вдруг лицо её сморщилось, и она заплакала.

– Он сказал, что это я его завлекла. Но я даже не думала об этом. Он мне не нравится. Я люблю другого! – И она заревела еще сильнее.

– Знаю, знаю.

Володя достал из кармана пиджака платок, вытер ей слёзы.

– Я отвезу тебя.

Ольга самозабвенно танцевала со своим кавалером. Он был выше неё, как раз то, о чем она мечтала, светлые волнистые волосы до плеч, ласковый взгляд.

«Если бы я не перекрасила волосы, мы могли бы сойти за

брата и сестру», – улыбалась Флёрбланш сама себе.

Она была очарована и им самим, и его именем.

– Аристарх, у тебя удивительно красивое редкое имя. Почему тебя так называли?

– В честь деда. Кстати, от него мне досталось не только имя, но и еще квартира на Соколе. Правда, он еще живой, но как женюсь, перееду туда от родителей, а дед – к предкам.

– А как тебя называли в детстве?

– Мать – Аристаша, Сташа, а отец – Старки, на американский лад. А тебе как нравится?

– Аристашенька.

– Пойдет. Я не против. Хочешь, давай прямо сейчас поедем ко мне домой.

– Хочу. Давай поедем.

*

Он привез её в квартиру своих родителей. Ольга оглядела богатую обстановку. Квартира была просторной, Ольга даже запуталась, когда считала комнаты: огромный зал, где в углу у окна разместился рояль, столовая, тоже большая комната с круглым столом посередине, такая же большая кухня, кабинет отца со стеллажами для книг от пола до потолка, спальни.

«Наверное, тут и комната для прислуги есть, как в до-революционное время. Хотя, видимо, и сейчас это не редкость», – подумала Ольга.

Она обошла комнаты, никого не встретив.

– Никого нет. А где же твои родители?

– Ты хочешь видеть моих родителей? Зачем тебе они? А я тебе не нужен?

Она обняла его за шею, прильнув к нему щекой.

– Только ты. Мне нужен только ты.

В ответ он крепко сжал её. Взял на руки, покружил и посадил в кресло. Наклонился к ней и загадочно сказал:

– Родители вернуться через четыре дня. Сиди и жди меня.

И вышел из комнаты

Ольга трепетала от ожидания. Она забыла, что любила другого. Сейчас она всю себя отдала этому малознакомому человеку, готовая ко всему. Когда она впервые увидела Аристарха, что-то из потаенных уголков её души прошептало о новой жизни, новой любви, о том, что пора забыть Володю. И она поддалась этому чувству.

Она огляделась. Большая комната с двумя огромными окнами, которые закрывали занавески из тяжелой ткани синего цвета, а на ней, словно паучья сеть, растекались золотые разводы. Мебель тоже была массивной, как будто подстраивалась под размеры комнаты: комод темного цвета, кожаный диван, растянувшийся из угла комнаты вдоль обеих стен, напротив него – огромный телевизор на массивной подставке, чуть дальше такой же огромный аквариум с крупными рыбами. Обои были тоже с золотыми разводами, на которых мозаикой были вывешены картины разных размеров.

– Это старинная мебель или, как сейчас в моде, стиль ре-

тро? – Спросила Ольга и сама себе ответила, – красиво.

Вернулся Аристарх, неся поднос, на котором стояла бутылка вина, два фужера и две тарелки: одна с апельсинами и яблоками, другая – с конфетами. Когда он опустил поднос на журнальный столик, Ольга увидела еще одну тарелку с полураскрытыми фисташками и кешью.

Он заметил, как Ольга рассматривала картины, и, наливая вино в фужеры, стал объяснять.

– Мой отец – профессор в третьем поколении. Эти картины тоже собирали три поколения. Если бы я друг стал профессором, то тоже, наверное, купил бы пару картин. Но в профессора меня не тянет. Я – вольный писатель.

Он протянул ей фужер с темно-красным вином. Они подняли бокалы, хрустальный звон нежно постучал ей в сердце. Аристарх улыбался, слегка пожимая ей руку. Она тоже улыбалась. Аристарх рассказывал ей смешные рассказы из жизни профессоров его семьи. Ольга слушала вполуха, продолжая рассматривать картины.

– А это кто? Рембрандт? – показала она на картину пышнотелой красавицы в легких летучих шелках.

– Не-ет, – засмеялся Аристарх и с гордостью ответил, – это моя бабка-профессорша.

– А ты, правда, писатель?

– Да, я пишу роман о жизни современной молодежи.

– Дай почитать!

– Как только допишу.

Он опять вышел, вернувшись с сигаретой. Нажал на зажигалку, прикурил, сделал несколько затяжек, и, улыбаясь, протянул Ольге.

Ольга пыталась несколько раз курить на первом курсе с подружками, но ей было противно, когда во рту оставалась горечь. «Как будто кошки нагадили». Она морщилась, плевалась, и в один момент сокурсницы ей сказали, что нечего переводить сигареты, и не дали ей, а она больше ни разу не попросила. А сейчас она покорно взяла сигарету, сделала несколько затяжек. Голова закружилась, и она блаженно окунувшись в теплую реку, поплыла по течению так давно ожидаемого счастья. Всё остальное она помнила туманно. Они еще сидели и смеялись, пили вино, потом незаметно переместились в спальню. Он раздевал Ольгу, она – Аристарха. Проснулась она утром, плохо соображая, где она, что с ней. Увидела рядом спящего Аристарха, вспомнила то, что не хотелось вспоминать. Она не планировала такой близости, но теперь об этом было поздно думать. Она оделась, пыталась разбудить своего новоиспеченного любовника, но он не поднимался, только посмотрел на неё, как будто даже не узнал, а потом опять уснул.

Ольгу качало, как на корабле во время качки. Она пошла на кухню, нашла банку растворимого кофе, насыпала в большой бокал три ложки, поставила на огонь чайник.

– Надо прийти в себя, что-то мне нехорошо, – она посмотрела в окно.

Высоко. Какой это этаж? Внизу на детской площадке играли дети.

– И мои дети могут играть на этой площадке, – тихо сама себе сказала Ольга.

Резко и пронзительно засвистел чайник, Ольга вздрогнула, возвратилась в реальность от улетевших мыслей, налила кипятка в бокал.

После кофе она пришла в себя, хотя голова еще слегка кружилась. Она вышла из квартиры, захлопнув за собой дверь.

Придя домой, легла на диван, не раздеваясь: у неё не было сил. Через минуту она крепко спала. Вечером позвонил Аристарх, пригласил к себе в гости.

– Приходи ко мне, – с трудом прошептала Ольга, потому что чувствовала слабость во всем теле, – а то я к тебе не доеду.

*

Зима началась долгая и грустная. После происшествия на свадьбе Марины Аня ходила на работу, с работы – домой, но всё время думала об этом инциденте. На все предложения друзей погулять, сходить в кафе, приглашения в гости, Аня отвечала отказом. Ей казалось, что её везде подстерегает Игорь.

– A burnt child dreads the fire¹ – оправдывала она сама себя. А потом в который раз начинала себя ругать.

¹ Англ. Пуганая ворона и куста боится.

– Позор! Как я могла вообще допустить подобную ситуацию? И не поняла, что ему от меня надо. Казалось, что я ему нравлюсь. Я совсем не разбираюсь в людях. Вот и об Андрее думаю день и ночь, а он меня даже не замечает. И Игорю ничего смогла ответить, этому подлецу. Надо найти курсы самообороны. Стыдно, стыдно.

Её хотелось забиться в щелку и никого не видеть и не слышать. Исключение она сделала только для Ольги, которая сразу пошла в атаку.

– Знаешь, Анечка, в чем твоя беда? Ты хочешь рыцаря на белом коне, а нужно искать мужика на белой иномарке. Будь проще! Смотри на меня: я нашла такого. Он так ухаживает за мной! И ещё у него есть белый «Мерс», квартира на «Соколе».

– Я видела его. И на мужика он не похож, похож на симпатичного парня. Только показался мне каким-то странным.

– Ну, да. Есть что-то непонятное в его поведении. Пару раз он посмотрел на меня так, как будто не видит меня. Мне показалось, что его взгляд прошел сквозь меня. Но я думаю, что это от того, что он – творческая натура. Представляешь, он пишет бестселлер.

– Он – писатель?

– Это его первый роман.

– Ты его читала?

– Нет, он сказал, когда до конца допишет, тогда даст почитать.

– А где он работает?

– Он не работает. Но он же роман пишет!

– А кто его кормит?

– Родители. Они помогают таланту. Вот напишет роман, прославится, и родители будут счастливы. Кстати, у них денег много.

– Не в деньгах счастье, – задумчиво сделала заключение Аня.

– А в их количестве, – смеясь, добавила Ольга – Анечка, давай не будем философствовать! Зачем? Я так рада, что встретила его. Я, можно сказать, счастлива. Ну, что ж, что его родители богатые? Мне просто повезло. А ты хочешь всё испортить. Деньги счастьем не помеха.

– Дело не в деньгах, а как они достаются. Если их безмерно дают родители – это плохо. Такие деньги не ценятся.

– Ну, вот! Ты опять. Разве тебе родители не дают? Я же просила – не философствовать. Он очень добрый. И любит меня. У нас всё будет хорошо. Ведь это Фэн-шуй помог. Помнишь, я тебе говорила! Займись, Анечка! И тебя твой ненаглядный полюбит. Я завтра принесу тебе книгу. Нет, завтра ко мне придет Аристарх – мы пойдем к его родителям. Послезавтра я принесу тебе её.

Послезавтра она действительно пришла к Ане, принесла обещанную книгу, но была грустной и невнимательной. Аня разговаривала с ней, задавала вопросы, но Ольга отвечала односложно, была рассеянной и часто отвечала невпопад.

В конце концов, она призналась, что к родителям его они вчера, как было запланировано, не пошли. Аристарх что-то невнятно пробурчал, а толкового ответа она так и не услышала. Её это расстроило, но она решила, что у людей могут быть разные обстоятельства, этим и утешилась. Но есть нечто другое, что выбило её из колеи.

– У меня задержка уже несколько дней.

– Может, все обойдется. Бывает же.

Ольга покачала головой.

– Не обойдется. Но я решила рожать.

– Вот так быстро приняла решение?

– Я люблю его и его ребенка. Решено.

– А он знает?

– Нет еще.

– А мама твоя?

– Да, ей, по-моему, всё равно. Это ведь мои проблемы.

– Если не удалось навязаться к Маринке в крестные матери, может, ты меня возьмешь к своему ребеночку?

– С удовольствием! Родственников у меня мало, и вряд ли кто захочет, так что есть вакансия.

– Спасибо.

Ольга улыбнулась.

– Вот видишь, что делает фэн-шуй!

– Я мало верю в то, что после твоего фэн-шуя человек вдруг возьмет и заметит меня, – иронично улыбнулась Анечка подруге.

– Попробуй. Чем черт не шутит! У меня же получилось! Аня засмеялась.

– Вот только чёрта-шутника мне недоставало.

– Да, ладно. Попробуй всё-таки.

– Попробую. Но тебя что-то сильно тревожит. Это так?

– Нет-нет, всё в порядке. Правда, есть один момент. Вообще, мне кажется, что он травку покуривает. И даже, кажется, и я попалась, но я не уверена.

– Кажется, или так и есть?

– Может, показалось? – неуверенно протянула Ольга.

– Присмотрись внимательней.

– У кого-то прочитала выражение, что дом мужчины – крепость, но только снаружи, а внутри чаще всего детская комната. Даже если он и наркоманит, я отучу его от этого. Со мной он не захочет никакой травки.

– Дай Бог! Держись, подруга.

– Вот так жизнь и проходит, как будто несешься в автомобиле то по ровной дороге, то по ухабам, и не знаешь, что ждет тебя за поворотом.

– Грустно, но не смертельно. Я думаю, что всё у нас с тобой будет хорошо.

– Хотелось бы.

*

Ольга переживала оттого, что Аристарх в последний момент объявил ей, что родителям пришлось ехать на какой-то прием, из-за чего знакомство нужно отложить. На сколько?

Он не знал. Он что-то мямлил, тянул, толком ничего нельзя было разобрать.

– Темнишь. Значит, врёшь, – сделала решительно заключение Ольга, но сама была на грани отчаяния.

– Да, ладно, если хочешь познакомиться с моими предками, пойдем прямо сейчас.

– Нет, – испугалась Ольга, – я сейчас не готова.

– Вот видишь, и у них была причина. Пойдем в другой раз, – Аристарх даже обрадовался.

Это как-то остановило Ольгу и успокоило. Но в душе она понимала, что здесь не всё гладко. И не напрасно.

За неделю до этого разговора у Аристарха произошло неприятное событие. Его родители с некоторых пор стали замечать странности в поведении сына. Сначала они списывали это на его талант, считая, что он погружён в своё творение и временами, обдумывая очередной поворот в романе, уходит в себя до такой степени, что не видит окружающих. То есть это мать поддерживала сына в написании романа, веря, что он однажды прославится сам и прославит её, как мать гения. А отец не верил в это, считая, что сыну надо работать, но спорить с женой у него не было ни времени, ни желания, так как всё время он отдавал работе. Потом мать стала замечать, что сын часто приходит пьяный, но, ругая его за это, списывала всё на молодость, на тонкую натуру сына, который, как писатель, должен знать жизнь, общаться с друзьями, которые и выпивают в том числе. Но однажды, ко-

гда Аристарх пришёл домой в подобном состоянии, вмешался отец, и он-то и заподозрил, что сын употребляет наркотики, сделав вывод о том, что сыну надо работать в поте лица, чтобы почувствовать цену деньгам. Мать пыталась отрицать причастность сына к наркотикам и напоявила о необыкновенном таланте сына, грудью защищая сына в прямом и переносном смысле, оправдывала его поведение. Тогда отец махнул рукой и пошёл в свой кабинет дописывать статью, которую нужно было сдать для печати в толстый научный журнал через три дня, бросив на ходу: «Поплачешь ты ещё с ним!».

И когда сын сообщил, что приведёт невесту знакомиться, родители запротестовали. Мать считала, что он должен написать роман, а женившись, он этого не сделает, а отец категорически настаивал на том, что он должен идти работать, научиться зарабатывать деньги, а потом уже приводить в дом невест. Конечно же, такое Аристарх не мог рассказать Ольге, но его версия о том, что родители ушли на очень важный приём, не убедила Ольгу. Но это была ерунда по сравнению с тем, что произошло дальше.

Он в очередной раз договорился с Ольгой о встрече, подъехал на машине на стоянку и встал, ожидая её. Посмотрев на часы, убедился, что приехал слишком рано, у него ещё было время, пока она не закончила работу, он, оставив машину, решил зайти к другу, который к его радости жил совсем рядом, и туда проще было дойти пешком, чем объезжать по

переулкам. Друг Лев, Левушка, как его называли домашние и друзья, был сыном друга отца, тоже профессора. Только если у Аристарха отец был молодым профессором, то у Левушки – настоящим воплощением книжного образа: в том возрасте, когда уже больше говорят о мудрости, чем о других достоинствах, с седой головой и короткой бородкой, в круглых очках.

Когда Аристарх был мальчиком, ему нравилось ходить с родителями в гости к семье этого профессора. Роман Семенович был веселым человеком, всегда шутил и играл с детьми. Когда дети становились подростками, и серьезность стала преобладать над детской непосредственностью, семьи стали реже встречаться – то ли времени стало не хватать родителям, то ли интересы разошлись. Только дети стали встречаться всё чаще и чаще. А когда они стали студентами и Левушке купили отдельную квартиру, друзья стали не разлей вода.

В квартире было две комнаты: в той, что поменьше, Левушка устроил спальню, а в большой проходили все посиделки студентов. Правда, теперь они все чаще становились похожими на сборища или оргии незнакомых людей далеко не с самыми мирными намерениями. Мебель в комнате была дорогой, но шкафы местами были обиты, поцарапаны, а большой угловой диван и два кресла в пятнах и с засаленными подлокотниками. Ковер на полу давно уже и не мечтал о встрече с пылесосом.

Сейчас у Левушки собралось несколько человек, они сидели на диване, а хозяин и еще один, незнакомый Аристарху человек, который был на вид старше всей компании, расположились в креслах, все они курили косячки и пребывали в приподнятом настроении, а тут пришёл Аристарх, что обрадовало компанию сверх всякой меры.

– Ура, Старки привалил!

Трое парней буквально повалились с дивана на ковер, хоча и предлагая Аристарху сесть и присоединиться к компании. Аристарх не стал церемониться, он был лучшим другом хозяина, и сел тоже на ковер, взяв косячок. Двоих он знал хорошо: Игорька, у которого родители работали в том же институте, где и отцы Левушки и Аристарха, младшими научными сотрудниками, и Стаса, друга Левушки по институту. Еще двоих знал, как зовут, не более, а того, который сидел в кресле, видел впервые, ему представили его как Николая, на французский манер.

Николя отличался ото всех присутствующих и высоким ростом, и одет был в черные брюки и яркую рубашку с пальмами в отличие от остальных, которые были в джинсах и майках, и даже выражением лица с высокомерной усмешкой, видимо, ощущая себя птицей высокого полета. Но, похоже, никто этого не замечал, принимая его за своего.

Собравшиеся наперебой стали рассказывать новоприбывшему о том, что это Николай принес им замечательные косячки, которые гораздо лучше, чем те, что они курили в про-

шлый раз. Николая на это улыбался, потом, дождавшись спада эйфории по этому поводу, как бы между прочим, предложил:

– Ну, у меня ещё есть отменная дурь, чуваки, угощаю. Халава, – подчеркнул он.

– У тебя есть ещё лучше косячки? – Захохотал догадливый Игорёк.

– Да нет, это получше – «снежок», – он кисло улыбнулся.

– Да? А что это? – спросил Игорек.

– Таблеточку проглотишь, и даже дымить не надо, как вы.

– Про таблетки мы знаем, а что такое снежок?

– Ты чё, не втыкаешь в расклад, брателла? – Сквозь зубы процедил Николая.

– Ладно, Игорек, брось дурить, как будто ты не в теме?

Николя – секарь в своем деле. – Остановил его Лёвушка. – А чё? Давайте попробуем!

– Есть еще азот, амнуха – продолжал предлагать наркотики Николая, прикрыв глаза.

– Дед мороз, блин, подарки раздает, – Аристарх зло сплюнул и стал отказываться.

Аристарху не понравился «залетный хлыщ», как он его про себя окрестил, и раздражал его своим высокомерием. Лёвушка глянул на дружка как-то боком, возразил:

– Да, ладно, один раз можно, да еще и бесплатно.

– На халаву и дерьмо конфеткой будет, если жрать охота, – опять хохотнул Игорек.

– Ну, ты, лось, тормоз! – фыркнул другой, который сидел рядом.

– Дает природа всё нам на халяву, а мы взамен – отходы и отраву, – повторил Левушка фразу какого-то писателя, которого любил цитировать его отец.

– Нет, я не хочу, – отказался Аристарх, вдруг вспомнив, что договаривался о встрече с Ольгой, но не мог вспомнить, когда именно: сегодня или завтра, видение Ольги тенью пронеслось в сознании, уступив место реальности, в глаза ему бросился узор пёстрого ковра, который стал шевелиться змеями.

Все стали подвигаться к пальмам Николая, боясь, что снежка может не хватить.

Аристарх перекатился на четвереньки, пытаясь встать.

– Ты куда? – обернулся к нему Лёвушка.

– В сортир, – зло ответил он другу.

Про него тут же забыли, разглядывая то, что доставал из кармана гость.

Аристарх, качаясь, вышел в коридор, взял куртку и вышел в подъезд, не сумев придержать дверь, и та громко хлопнула. Несмотря на стук, из квартиры никто не вышел, Аристарх медленно спустился по лестнице, держась за перила. На улице он остановил такси и поехал домой.

Ольга в тот вечер простояла почти час, ожидая Аристарха, непрерывно набирая его номер. Ей казалось, что телефон уже раскалится от её непрерывных звонков, и ей уже надо-

ело слушать одну и ту же бравурную мелодию на телефоне любимого, но Аристарх так и не ответил ей. Сначала у неё замерзли ноги, потом холод змейкой стал пробираться вверх по спине. Она начала ходить взад и вперед на небольшой для себя отведенной площадке, боясь уйти далеко, потом при-танцовывать, но теплее не становилось. У неё не было обиды, щемило сердце, и что-то говорило ей, что Аристарх не мог просто не прийти к ней, что-то случилось. Потом она подумала, вспомнив о ребенке, что ей никак нельзя простужаться, и пошла к метро.

Аристарх добрался на автопилоте, не осознавая, куда и как идет.

Мать не спала, ждала сына. Увидев, что он в чужой куртке, качается, а потом и вовсе остановился, прислонившись к косяку, потому что у него не получалось открыть дверь в свою комнату, перешла в нападение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.